

ВИТАЛИЙ ЗАХАРОВ

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

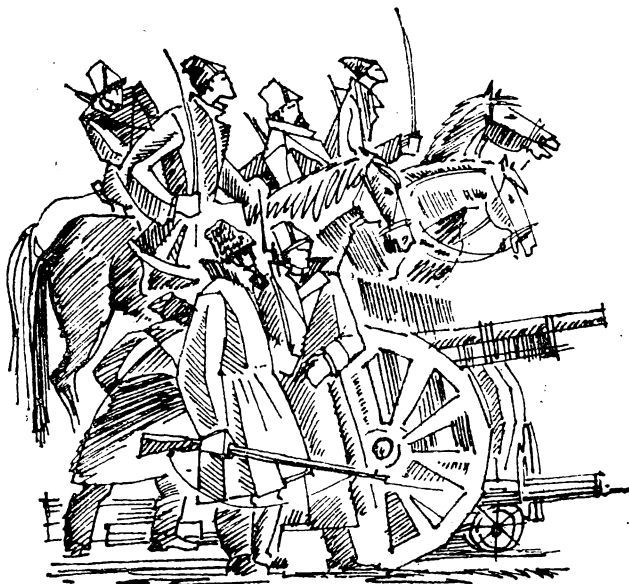

ВИТАЛИЙ ЗАХАРОВ

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

Р а с с к а з ы
для младшего и среднего возраста

Художник Г. ПАЛКИН

Хабаровское
книжное издательство
1989

Рецензенты

Н. А. АВДЕЕВА, кандидат исторических наук,
С. А. БАРУЗДИН, писатель

ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы с вами живем сегодня. Но для того, чтобы хорошо жить сегодня и еще лучше завтра, надо знать, что было вчера. Надо знать историю народа и страны, где мы живем.

Надо знать, что было с нашей страной в стародавние времена и что было, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Надо знать, почему она произошла и как отстаивали ее идеи В. И. Ленин и первое поколение советских людей.

Революция, совершенная партией большевиков по воле народа, встретила немало преград. Против нее пошли те, кто был прежде богат, знатен и всемогущ, против нее выступили иностранные интервенты, которые всегда боялись да и по сей день боятся власти народа. В нашей разоренной, нищей стране началась гражданская война.

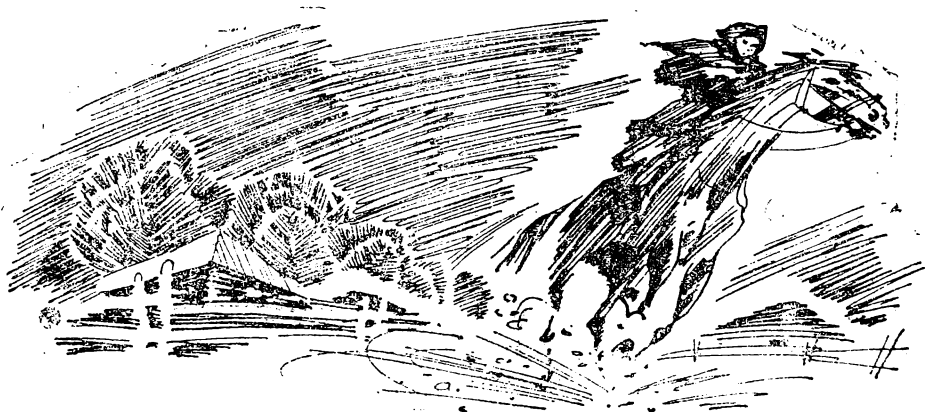
Эта война шла и на Дальнем Востоке. Кончилась она тем же, чем завершилась в других областях и краях России: победой революции, народа, поражением белогвардейцев и иностранных захватчиков.

Об этом книга Виталия Захарова «Волочаевские дни».

Я прочитал эту книгу с большим удовольствием.

Думаю, что с таким же интересом прочитаете ее и вы.

Сергей Баруздин

Чрезвычайно важная задача

Уже начинало смеркаться, и дальние деревья сливались в сплошную темную массу, а ближние теряли свои четкие очертания.

Ни звука. Только над землянками вьются ровные столбики дыма: партизаны отдыхают и пьют заваренный лианами лимонника чай.

По утоптанной тропинке вдоль землянок ходит часовой. Он с завистью поглядывает на мирные дымки. Скоро сменится с поста и тогда тоже посидит в теплой землянке за кружкой чая. Конечно, лучше было бы дома сейчас повечерять да сына на ноге покачать. Но близок локоток, да не укусишь. Родная деревня Архангеловка — вот она, полчаса хорошего ходу, да нельзя пока туда. У командира отряда там тоже родной дом, дети, однако и он появляется в деревне только в случае острой необходимости.

Как-то приехал на встречу с Павлом Петровичем Постышевым — комиссаром Восточного фронта. Разговорились за ужином, да хорошо, что вовремя жена предупредила: на улице появились белогвардейцы. Выручили быстрые лошади...

Партизан время от времени всматривался в темноту леса, прислушивался к каждому шороху. Но вокруг было тихо, и это успокаивало.

Но вдруг ему показалось, что какая-то тень промелькнула между деревьями. Он начал до рези в глазах всматриваться. Точно, что-то двигалось в его еторону, приближалось. И приближалось очень быстро.

Вскоре партизан услышал сочное похрустывание снега. Он уже было приготовился выстрелить в воздух, чтобы поднять своих товарищей по тревоге, но решил еще немного повременить.

Через несколько минут часовой увидел всадника. Всмотрелся и узнал: да это же Настя — четырнадцатилетняя племянница командира партизанского отряда Ивана Павловича Шевчука.

— Настена, ты что же на ночь глядя пожаловала? — встревоженно спросил партизан.

— Дядя Вася, — Настя спрыгнула с коня в глубокий снег и, не отвечая на вопрос партизана, деловито спросила: — Где командир?

— Отдыхает, где же еще, — пожал плечами дядя Вася, — время-то позднее. А зачем он тебе? Что случилось?

— Нужно ему... сообщить. — Настя подумала и добавила: — Очень важные сведения...

— Ну, если очень важные, — улыбнулся дядя Вася, — тогда ступай вот по этой тропинке. Прямо к командирской землянке придешь. А коня оставь тут, я его оботру, да одеялом укрою. Загнала его совсем... Значит, срочное, говоришь?

— Срочное, — мотнула головой Настена. И побежала по тропинке. Оказывается, землянка командирская — вот она, рядышком, но так снегом припорошена, что издали примешь ее за большой сугроб.

Настя с силой потянула на себя дверь и чуть не свалилась с крутых ступенек.

— Дядя Ваня, — рассмотрев при тусклом свете копилки Шевчука, девочка бросилась к нему. Все, кто находился в землянке, сразу же отставили в сторону кружки и повернулись к неожиданной гостье.

— Дядя Ваня, — торопясь и сбиваясь с мысли, заговорила Настя, — мне нужно сообщить вам. — Быстро, но внимательно оглядела всех присутствующих и понизила голос, переходя на шепот: — Совершенно секретное...

— Настена, — улыбнулся Иван Павлович, — что случилось? — И, встав из-за стола, привлек ее к себе. — Не волнуйся... Давай все по порядку...

— У меня очень секретное, — повторила девочка и снова оглядела всех, кто находился в землянке.

— Во-первых, раздевайся, — сказал Иван Павлович, помогая ей расстегивать пуговицы на шубейке, — во-вторых, садись, выпей чайку. Полезно с мороза. А в-третьих, рассказывай, что там у тебя секретного. Здесь все свои.

Настя еще раз пытливо осмотрела партизан и, грея руки о кружку, время от времени отхлебывая маленькими глоточками крутой кипяток, рассказала о том, как ей удалось узнать о планах наступления белогвардейцев.

Было это так. Из Дежневки прибыл генерал Молчанов. Он для секретного совещания выбрал дом, где жила Настя со своими родителями. Дом был большой и просторный. Стоял он в самом центре села Волочаевка.

С утра хозяев выпроводили. Вокруг дома поставили часовых. К полудню стали сходитьсь и съезжаться большие чины. Все в папах, с широкими лампасами на брюках. Настя наблюдала за ними из окна соседнего дома — от Бутузовых. Она поняла, что белогвардейцы будут о чем-то совещаться. И Вовка Бутузов, ее ровесник, тоже следил. Он показывал на тех, кто подъезжал: вот это генералы Молчанов и Сахаров, вот полковники Суходольский и Аргунов, а этот рыжий — полковник Ширяев. Советоваться будут, но о чем? Как узнать? И Настя решилась. Она пробралась на задний двор, потом — в летний погреб. А из погреба по тесному лазу — в подполье своего дома. Этот лаз давно сделал отец. Когда приехал с Украины, его напугали местные жители: мол, зимы здесь такие, что снегу намедает по самую трубу. А если снега не будет, то мороз прожигает насквозь. Не всегда удается скотину покормить. Мужики пошутили, а отец принял их слова всерьез и на всякий случай сделал запасной лаз, которым никогда не пользовался.

Настя затаилась, боясь пошевелиться. Здесь много было бочек с огурцами, капустой, рыбой, а в мешках — картошка.

Любое неосторожное движение могло ее выдать. В комнате говорили негромко, но здесь отчетливо слышно было каждое слово. Выделялся чей-то густой бас. И Настя догадалась: Молчанов. Он напомнил присутствующим, что отряд Шевчука разгромил японский гарнизон в поселке Урми, на станции Ин, изрядно потрепал карательную экспедицию полковника Суходольского возле Архангеловки. Нужно разделаться с партизанским отрядом Шевчука, говорил Молчанов, он мешает, и очень мешает. Не дает спокойно жить, отвлекает силы белогвардейского войска. Сейчас нужно все внимание сосредоточить на Волочаевке: взять ее и двинуться дальше — «на Москву!». Значит, нужно разделаться с партизанами. Они появляются то в одном, то в другом месте, да так неожиданно, что белые несут большие потери. Сколько можно с этим мириться? На днях опять Шевчук вместе с отрядом Петрова-Тетерина разбил белогвардейскую конницу на восточной окраине Волочаевки. Вот и поста-

вил генерал Молчанов задачу: прежде чем выступить против Народно-революционной армии, нужно покончить с самым большим партизанским отрядом, которым командует Шевчук. Выследить, внезапно напасть и уничтожить.

Что и говорить: хитер и умен красный командир. Молчанов даже предлагал Шевчуку перейти в белую армию, обещал сразу же назначить его командиром корпуса. Но Шевчук на приглашении написал коротко и просто: «Если придется вас расстрелять, о чем я только мечтаю, это я с большим удовольствием сделаю».

Как вспомнит Молчанов ответ Шевчука, так начинает у него подергиваться левая щека. Если честно говорить, побаивался он Шевчука, зная, что тот из любого положения найдет выход.

Операцию по уничтожению партизанского отряда генерал Молчанов поручил полковнику Ширяеву. Тот не отличался смекалкой и быстротой реакции, но был жесток: выполняя приказ, ни перед чем не останавливался. Скажи ему родную мать расстрелять — выполнит, даже глазом не моргнет.

— Вам, господин полковник, — жестко говорил генерал Молчанов, и Настя представила, как командующий посмотрел тяжелым взглядом на рыжебородого белогвардейца, — ставится чрезвычайно важная задача: скрытно, повторяю, скрытно выдвинуться к деревне Архангеловке и уничтожить партизан, если они там. Никого из жителей не щадить. Я не сторонник таких жестких мер, но здесь иначе нельзя. Нужно запугать тех, кто помогает партизанам. А потому обставьте дело так, словно жестокость — это дело рук партизан. Надо к ним у народа разжигать чувство ненависти... А главаря партизанской банды захватить живым или мертвым. — Он немного помолчал, подумал и добавил, уточняя: — Лучше — живым. Да, да, да, — еле сдерживая дрожь и раздражение, закончил он, — лучше живым. У меня с ним свои счеты. Хотелось бы с этим красным командиром поговорить с глазу на глаз.

— Слушаюсь, господин генерал! — отчеканил Ширяев и так стукнул каблуками, что звонко звякнули шпоры. Он торжественно пообещал:

— Через два дня Шевчук будет у ваших ног...

— Ну, ну, посмотрим, — скептически улыбнулся Молчанов, и ему даже захотелось одернуть самонадеянного полковника: мол, ты не знаешь, с кем имеешь дело или, вернее, будешь иметь, но сдержался — в присутствии других этого делать нельзя.

Совещание продолжалось. Молчанов говорил о снаб-

жении войск продовольствием и снаряжением, о переброске частей с одного фланга на другой.

А Настя с величайшей предосторожностью выбралась из подполья, из погреба, выждав, когда часовой завернет за угол дома, юркнула в сарай, набросила уздечку на своего любимого Богатыря, вывела его через огород позади дома на соседнюю улицу и скрылась в лесу. Она знала, что партизаны в Архангеловке, а путь туда ей был известен: сколько раз с отцом ездили к родственникам...

— Так, так, так, — выслушав Настю, побарабанил Шевчук пальцами по самодельному столу, — спасибо тебе, Настена, спасибо! А теперь ложись спать. А нам вот спать не придется: нужно теперь помороковать...

Шевчук расстелил на столе карту и начал обсуждать со своими командирами вероятное направление движения карательной экспедиции из егерского полка под командованием полковника Ширяева. После долгих споров пришли к выводу, что каратели, во всяком случае до подступов к Архангеловке, будут идти по дороге. Потому что по целине идти долго — снег глубокий, по пояс. Но на всякий случай выставили пикеты в разных направлениях. Усилили разведку.

Мороз пробирал до костей. Однако Шевчук запретил жечь костры: в морозном воздухе запах дыма ощущается издалека.

Часовые исправно несли службу. Через день разведка доложила, что в тайге появились белогвардейские кавалеристы. Коня шли не спеша. К седлам были приторочены мешки с продовольствием и боеприпасами. Не слышалось разговоров. Конники зорко посматривали по сторонам, держа винтовки на изготовку.

Любой хруст ветки или шуршание снега, осыпавшегося с деревьев, заставляли их настораживаться и оглядываться.

Полковник Ширяев ехал в конце строя... Видимо, у него не было желания первым встретиться с партизанами.

Когда до карателей оставалось не более пятидесяти метров, Шевчук подал условный сигнал: открыть огонь.

Дрогнул морозный воздух от выстрелов. Эхо подхватило звуки ружейно-пулеметного огня, удвоило их, утратило и покатило по лесу с торжествующими криками партизан, охвативших карателей с двух сторон.

Коня белогвардейских солдат, напирая друг на друга, сбились в кучу. Им трудно было разойтись на узкой дорожке. Испуганное ржание разнеслось по тайге. Кто-то нелепо висел на лошади, зацепившись в стремянах, кто-то распластался на снегу, кто-то отползал в кусты,

А полковник Ширяев сумел вырваться из этой сумятицы. Его конь крупным галопом уносил седока по таежной тропе. Ширяев припал к самой гриве и просил только об одном:

— Быстрее, голубчик! Быстрее!

Полковнику казалось, что огонь всех партизанских пулеметов и винтовок направлен сейчас только на него.

Шевчук послал вдогонку пулю. Ширяев схватился рукой за левый бок, зажал рану и еще крепче прижал ноги к стремянам, чтобы не вывалиться из седла.

Шевчук перезарядил винтовку, но конь Ширяева повернул за сопочку, пуля ударила в камень, который брызнул на дорогу осколками.

Иван Павлович перебежал вправо и, увидев появившегося из-за сопочки полковника, поймал его на мушку.

Папаха слетела с головы Ширяева, покатилась в кусты.

— Смотрите, смотрите, — появился рядом с Шевчуком один из партизан, — вон как у полковника штаны раздуваются. Наверное, от страха отяжелели.

Шевчук улыбнулся шутке, но тут же вздохнул:

— Подвела меня сегодня винтовка.

— Зато напугала Ширяева, — засмеялся партизан. — Наверное, душа у него в пятках. Вот в пятку и нужно было целиться...

В это время подошла группа партизан, и один из них, обращаясь к командиру, спросил:

— А куда же, Иван Павлович, пленных? В расход?

— Нет, — ответил он, — отпустим.

— Как это, — удивились партизаны, — отпустим?

— Заберите у них винтовки, — приказал Шевчук, — и пусть возвращаются и рассказывают, что партизаны пленных не убивают...

Когда после схватки на лесной дороге вернулись на партизанскую базу, партизаны окружили шумной толпой девочку. «Молодец, Настя» — слышалось со всех сторон.

Иван Павлович обнял племянницу:

— Спасибо тебе, Настя. Помогла ты нам выполнить чрезвычайно важную задачу: сохранить партизанский отряд. А наши ребята еще себя покажут не раз! Впереди у нас много боев!

Разведка

Когда разведчик Сергей Капулин показался на пороге штаба, командир партизанского отряда Иван Павлович Шевчук встал из-за стола, на котором была разост-

лана карта, и широко шагнул навстречу своему земляку.

— Тебе поручается важное задание, — он потер ладонью высокий красивый лоб, — нужно пробраться в Волочаевку, разведать силы противника. Задание не из легких, но его выполнить нужно во что бы то ни стало. И еще одно условие: вернуться. Попасть в плен или погибнуть — не имеешь права, понял?

— Понял, — улыбнулся Сергей.

— Только смотри, без лихачества, — погрозил пальцем Шевчук, но произнес он это не с осуждением, а с чувством признания за разведчиком смелых действий, которые были в его жизни и будут. — Бери хлопцев, но имей в виду: чем меньше людей, тем легче проникнуть в Волочаевку.

Сергей сказал:

— Возьму с собой Семена Дроздова и Костю Глаголева.

— Добре, — согласился Шевчук, — парни надежные, да и волочаевцы. Только поосторожнее. Не встречайтесь с теми, кто на вас зуб имеет. — Иван Павлович поднялся. — Желаю удачи! — Он протянул Капулину широкую ладонь, крепкую, как и у всех его товарищей, бывших хабаровских грузчиков.

Темной февральской ночью разведчики вышли из Архангеловки. По льду речки Ольгохты добрались до охотничьих заимок, на одной из них передохнули. До Волочаевки было рукой подать: всего каких-то семь-восемь километров. Но разведчики сделали круг, чтобы подойти с северо-восточной стороны села, от залива, куда местные жители летом гоняли скотину на водопой, а зимой носили воду для питья.

Замаскировавшись в прибрежном кустарнике, они наблюдали за теми, кто придет за водой. Первыми, словно почувствовали, что их ждут, пришли Лена Канзалаева и Люба Кидашева. Девушки давно помогали партизанам. Это они сообщили, что в Архангеловку придут под видом торговцев два шпиона — белогвардейские офицеры, чтобы выяснить точное расположение партизанского отряда, его силы и взаимодействие с другими. Это они также передали Сергею Капулину то, что в Волочаевке стоит эшелон с американскими солдатами и эшелон японцев, прибывших на подкрепление белогвардейцам.

Как провести белых сейчас? Не станет ли подозрительным, что в Волочаевке появились незнакомые люди? Контрразведка у белогвардейцев работает хорошо, нюх у них, как у розыскных собак. Нужно быть предельно осторожными, но идти на риск.

И они пошли с девушками по улице села в откры-

тую. Все чаще и чаще им стали попадаться белогвардейские патрули. Капулин принял рискованное решение. Он и его друзья обняли девчат и, качаясь из стороны в сторону, словно пьяные, стали распевать песни. Ни дать ни взять подгулявшие деревенские парни. Хитрость удалась: часовые их не задерживали.

До дома Канзалаевых добрались благополучно. Когда ужинали, наметили план — задание на завтра. С каждым разведчиком должны пойти один-два человека местных. И с рассветом три группы разошлись в разных направлениях. Сергей несколько раз появлялся на улице то с Леной, то с Любой, чтобы услышать, о чем говорят белогвардейцы. Даже побывал на станции. Но оттуда их быстро выдворили. И все-таки вот что они увидели и узнали.

Войск в Волочаевке было очень много. Прибыло подкрепление. Не все еще разместились и грелись около костров на улице. А на станции и вокруг сопки Июнь-Корань день и ночь возводились заградительные инженерные сооружения и окопы.

Когда Сергей с Леной вернулись домой, остальные уже сидели за столом. Они обсуждали все то, что им удалось узнать. Сообщения радовали разведчиков. Расхождений в полученных данных у них не было.

Под Волочаевкой сосредоточены лучшие части белогвардейских войск, которые почти наполовину состояли из офицеров. А это значит и хорошая подготовка, и крепкая дисциплина, и отчаянный фанатизм. Вот почему белые говорили: «Создан Верден, он неприступен для армии красных».

Разведчики уточнили ранее полученные данные о том, что Волочаевская группа, которой руководил полковник Аргунов, состоит из Воткинской и Ижевской бригад, омского и иркутского добровольческих полков, «дикой дивизии» и конницы генерала Сахарова. Главные силы белогвардейцев по-прежнему были сосредоточены на правом фланге, а Поволжская дивизия находилась на станции Дежневка в резерве командующего. Здесь же располагался и штаб генерала Молчанова.

Но сегодня Молчанов был в Волочаевке, проводил совещание, на котором определил точные сроки наступления. И поставил задачу: неожиданным маневром смять красные части, которые, находясь без горячей пищи и теплого крова продолжительное время, не смогут противостоять отборным белогвардейским частям.

— С победой мы живем! — в заключение воскликнул генерал. — О неудаче не может быть и мысли! Вы — моя надежда и гордость!

Разведчики быстро узнали, зачем проводилось совещание. О наступлении говорили везде, особенно бурно обсуждали его белогвардейские солдаты. Но никто не знал, когда наступление начнется.

— Сроки бы нам узнать, — горячо говорил Сергей Капулин, — тогда бы мы большое дело сделали...

Время близилось к вечеру. Лена и Люба стали собираться на стол. Вдруг открылась дверь, и в клубах морозного воздуха все увидели белогвардейского офицера. Рука у Сергея Капулина невольно потянулась к карману, где у него был спрятан наган. Семен Дроздов уловил движение товарища и поднял руку:

— Не балуй, Серега! Подожди...

— Да это свой, товарищи, — сказала Лена, — Борис Примеров.

Чекиста Бориса Примерова сумели внедрить в белогвардейский штаб генерала Молчанова. И сейчас он принес сообщение о том, когда начинается операция белогвардейцев по разгрому красных.

— Это очень важно, — радовался Сергей, — и мы должны немедленно об этом сообщить командованию.

Разведчики стали уговаривать Сергея: может быть, уйти в полночь, когда легче просочиться через Волочаевку, насыщенную войсками. Но тот стоял на своем.

— На сборы — пять минут! — приказал Капулин, застегивая пуговицы на полушубке.

— Уходите быстрее, — настаивал и Примеров, — краем уха я слышал разговор контрразведчиков, что они вроде бы вышли на след комиссаров...

— Спасибо. — Сергей энергично пожал руку чекиста, посоветовал: — Берегите себя! — И первым шагнул за порог, зорко вглядываясь в темноту.

Девчата указывали дорогу.

Разведчики пробрались через огород, перешли улицу, другую. Уже оставалось совсем немного до последних домиков села, когда навстречу им шагнул часовой.

— А ну стой! — властно приказал он. — Документы?

— Какие документы, мы же местные, — Лена засмеялась, — вот чудак, мы же на свадьбу спешим.

— На свадьбу? — подозрительно посмотрел на разведчиков часовой. — К кому же это на свадьбу?

— К Аникиным, — ответила Люба.

— К Таньке, что ли?

— К ней, к ней, — поспешно подтвердила Люба. У Аникиных в самом деле в этот день была свадьба. Она показала на Костю Глаголева: — А вот брат жениха.

— А, Коська, — признал часовой, он был из мест-

ных, — где же это ты до сих пор скрывался, а? Не с красными, случаем, якшался?

— Да какие там красные, — махнул рукой Глаголев, — вчера только прибыл в Ижевскую бригаду...

— А воевал где?

— Под Ольгохтой и Ином...

Часовой о чем-то подумал и ткнул пальцем в сторону Сергея:

— А это кто?

— Брат мой, Володька, — храбро соврала Лена.

— Володька? — удивился часовой. — Что-то не признал... Во, вымахал...

Часовой еще о чем-то подумал, а потом сказал:

— Ну ладно уж, дайте табачку... Только вон там, за углом Парфенов. Не попадайтесь ему — не пропустит...

Сергей отсыпал в ладонь часового табака из своего кисета. Тот вдохнул терпкий запах самосада, чихнул и улыбнулся:

— Ух, сила! Ну идите, идите... Гуляйте... Да за меня поднимите...

Разведчики, не доходя до угла, свернули, но не успели сделать и десяти шагов, как их окликнул грубый, неприятный голос. Да, это был он, Парфенов — сын сельского кулака.

— Попались, пташечки, — гнусаво пропел белогвардеец, — а вас тут разыскивают. Теперь-то уж вы не уйдете... От меня — ни-ни.

Парфенов вскинул винтовку, готовясь выстрелить в воздух. Услышав выстрел, мысленно рассуждал он, мигом прибежит караульный начальник. Сдаст Парфенов задержанных — красных комиссаров, которые сюда пробрались как разведчики. Развели? Кукиш! Отведут контрразведчики душу. Это они умеют делать: и подвешивать за ноги, и шомполами хлестать, и раскаленным железом выжигать звезды на груди пленных. А он, Парфенов, заслужит награду, может быть, даже сам генерал Молчанов похвалит его за усердие. И контрразведчики его похвалят. Только его предупредили, чтобы незнакомых или подозрительных земляков, на время исчезнувших и вновь появившихся в селе, задерживать без всяких разговоров до выяснения цели, с какой они прибыли. И вот он не проворонил. Вот какое счастье привалило: вышли голубчики прямо на него. Одного парня он не знает. А остальных? Тут и говорить нечего — хоть сразу к стенке ставь... Была бы его воля — самолично расправился бы с ними...

Но не успел Парфенов нажать на спусковой крючок. Он даже не смог понять, как это все произошло. Винтовка

отлетела в сторону. И чьи-то цепкие руки мертвой хваткой стянули его горло. Нидохнуть, ни закричать...

Поздней ночью к Шевчуку пришли разведчики. Он не спал. Ждал их и, откровенно говоря, волновался. Сам главнокомандующий Василий Константинович Блюхер просил послать разведчиков в Волочаевку. Честь большая. И разведчики справятся с заданием. В этом Шевчук не сомневался.

И когда открылась дверь и на пороге появились разведчики, Шевчук сразу определил: пришли с хорошими новостями. Но что с такими важными — даже не ожидал.

В ту же ночь разведданные были переданы Блюхеру. Он взвесил силы и возможности и принял решение: упредить наступление белогвардейцев.

Витька и Васька

Филимон Наливайко удобно устроился в снежном окопе. Такое выбрал местечко, чтобы ветерок поддувал в спину, поднял воротник, уткнулся в него и затаился. То ли подремывал, то ли казалось ему, что время от времени проваливается в теплое забытие. Но не хотелось открывать глаза, не хотелось вставать, не хотелось шевелиться. И все потому, что, так думалось, стоит сделать одно хотя бы небольшое движение, и острые иглы невероятно жестокого мороза сразу же вопьются в тебя. Его толкнули в бок раз, другой. Филимон недовольно шумнул:

— Ну что тебе, места мало? Али хошь, чтобы теплее было?

Он даже плотнее прижался к стенке окопа, чтобы товарищу можно было свободнее пройти или удобно устроиться рядом. И все же не выдержал Филимон: приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть, кого это принесло в такую позднюю пору.

Над ним склонилось лицо командира отделения:

— Давай на пост! Сменить надо часового. Разоспался, как дома на печке...

— Хорошая печка, — проворчал Филимон, — пятки к земле примерзают...

— Побыстрее, — поторапливал командир.

Сменил Филимонов часового. Стоит на посту. Вернее, так только говорят. А на самом деле нужно лежать в снегу, перед окопами, в открытом поле, и внимательно наблюдать за тем, как ведет себя противник. Здесь уж глаз не сомкнешь. Иначе — живо можешь попасть в руки вражеской разведки. Да и мороз такой, что если за-

снешь, то и замерзнуть недолго. А спать хочется — сил нет. И подкатывает мыслишка: плюнуть бы на все, закутаться в шубу, да в самый глубокий сугроб головой. Чтобы не чувствовать ни мороза, ни ветра. Но нельзя. И собирает Филимон всю силу воли, отгоняет от себя, как назойливую осеннюю муху, соблазнительные мысли о сне. Нет, нет, он не заснет. И хотя вымотался Филимон за эти зимние месяцы, рассудка он не потерял. И не потерял веры в то, что разгромят народоармейцы белогвардейцев. Иначе и быть не может. Иначе зачем тогда он столько лет воевал, столько хватил лиха!

А мороз жмет — пар изо рта серебряными бисеринками опадает. Через подшитые валенки чувствуется ярость накалившего снега. Да и старая вытертая шуба не хранит тепла.

Как долго тянется время смены! Особенно, когда ты один на один с безмолвной степью.

Внимательно оглядывает Филимон белое пространство, чутко вслушивается, прикладывая к уху негнущуюся рукавицу.

Небо мутное. И желтое расплывчатое пятно луны еле-еле угадывается. И от этой мрачной ночной картины на душе смутно. Единственное утешает: рано или поздно придет смена...

Вдруг Наливайко услышал поскрипывание снега. Кто-то ехал на сани. Так поскрипывать снег, тонко и разногласно, может только под полозьями. Кого же это несет ночью? А вдруг разведка белых? А может быть, карательный отряд?

Повертел Филимон головой туда-сюда, а хруст снега все ближе и все явственнее. Сани одни — определил боец. И это намного успокоило. Но на всякий случай он передернул затвор винтовки. А через минуту увидел, что надвигается на него что-то большое и белое.

— Стой, кто идет? — крикнул Филимон и выставил винтовку навстречу.

Сначала послышалось тяжелое, с протяжным хрипом, дыхание лошади, и тут же звонкий мальчишеский голос радостно ответил:

— Да это мы, свои.

— Кто такие? — уже не так сурово спросил Филимон, различая на белом снегу лошадь, впряженную в сани, и мальчишек в белых кожаных.

— Да свои, с Волочаевки, — ответил другой мальчуган.

— Ха! — удивился Наливайко, размышляя, как же поступить с мальчишками, но так ничего и не решив, спросил: — Куда же это вы, пострелы?

— К вам, дяденька. — Бойкий мальчуган выступил вперед и уверенной скороговоркой добавил: — Хотим сражаться за власть рабочих и крестьян...

— Это где же ты научился таким словам? — Наливайко улыбнулся в усы и переступил с ноги на ногу.

— Так мой дедущка говорил, когда я еще был маленький...

— А теперь большой?

— А как же? — мальчишка даже приподнялся на носках, чтобы показаться повыше ростом.

— Ну и сколько же тебе лет? — Филимонов оглядел ночных гостей с ног до головы и заключил: — Не пора ли вам спать?

Бойкий мальчишка пропустил мимо ушей замечание насчет сна, а на первый вопрос ответил сразу же:

— Одиннадцатый. — И ясно было, что, по крайней мере, год прибавил и себе, и своему товарищу.

— Так уж и одиннадцать? — усомнился Филимон, хотя трудно ему было определить, как выглядят мальчишки, которым одиннадцать лет.

— Да, одиннадцать... исполнится скоро, — уточнил бойкий мальчик.

— А что же вы делать будете? Для народоармейца это не подходящий возраст...

— Воевать... К Блюхеру мы пришли... Отведите к нему...

Но Филимон с места не сдвинулся: ишь ты, к самому Блюхеру захотели!

— А звать-величать вас как? Бойцы перво-наперво должны представляться по всей военной форме. Это вам ясно?

— Ясно! — вразнобой ответили мальчишки, а тот, что был бойким, сказал: — Меня — Витька! — шмыгнул носом и повернулся к товарищу, — а его — Васька... — И тут же, без всякого перехода, добавил: — Мы Блюхеру валенки привезли, а бойцам шубы...

— Ха, — удивился Наливайко, — где же вы взяли?

— У беляков утащили. И лошадь — тоже у них...

— Не врете?

— Ну вот еще, — обиделся Васька.

А Витька не обиделся.

— Не, — сказал он, подошел к саням, похлопал по мешку, — вот они, шубы. Новенькие... Рассказать, как мы достали?

— Давай, — сказал Филимон, — давай, рассказывай...

— Ну так вот. У Бобровых живет белый офицер. Приехали к нему сегодня двое. Лошадь привязали к воротам. А мы из-за угла наблюдали. Как стемнело — мы

к лошади. Развязали поводья, в сани прыгнули и — за станцию. А винтовки в поле около старой березы заховали еще до Нового года. С белогвардейского склада стибрили. Склад на сваях. А в полу две доски неприбитые. Мы раньше туда за жмыхом сигали. А тут залезли: жмыха нет, а винтовок — сколько хочешь. Вот мы и натаскали. И патронов тоже.

— А как же вы со станции вырвались? — Филимон даже насторожился оттого, что задал такой неожиданный вопрос: действительно, не подослали ли случаем белые этих мальчишек для разведки?

— Как? — Витька ответил сразу же, не задумываясь, и Филимон успокоился, поверив мальчишке. — Мы наблюдали, где у белых ограждения. И поэтому решили их объехать. Но не удалось. Везде и все было в «колючке». Мы думали, что проскочим за водокачкой. Но ошиблись. Хорошо, что топор был в санях. Только начали рубить проволоку, как нас заметили беляки. Открыли огонь. Мы с Васькой упали в сани, погнали лошадей. Проскочили... Вот только шубу мне поцарапали... Теперь поддувает...

— Тебя ранило? — встревоженно спросил Филимон.

— Не, — поспешно ответил Витька, и боец понял, что мальчишка соврал.

— Сильно задело?

— Не...

— Кожу сорвало, — вставил Васька, — но я ему перебинтовал. Уже — все...

— Что же мне с вами делать? — Наливайко переступил с ноги на ногу, сдвинул на затылок меховую шапку, чтобы лучше думалось.

— А мы еще две буханки прихватили. Еще днем дома взяли. Хотели пеши к вам идти, — сказал Васька, — да вот лошадь увидели...

Филимон давно не ел настоящего крестьянского хлеба. Все сухари да сухари. Хотел уже было попросить у ребят хлебushка — чуть соблазн не одолел. Но сдержался: негоже нароодоармейцу только о себе думать...

— Ну ладно, — сказал Наливайко, — вы здесь трохи обождите, а я пойду командиру доложу.

— Самому Блюхеру? — спросил Витька.

— Ха! — мотнул головой Филимон. — Блюхер у нас самый главный командир, и к нему обращаются только по самым важным делам.

— И у нас самое важное. — Витька посмотрел на Ваську, словно приглашая его подтвердить свои слова.

— Ну если так, — народоармеец развел руками, — может, и самому Блюхеру придется доложить...

— Только вы побыстрей, — поторопил Витька.

— Одна нога здесь, другая — там, — весело ответил Филимон и побежал к окопам.

Командир отделения встретил его, встревоженно спросил:

— Наливайко, что случилось?

Филимон, торопясь и перескакивая с одного на другое, рассказал о встрече с волочаевскими мальчишками.

— Добре, — выслушав доклад, кивнул командир отделения и вместе с Наливайко быстро направился к ребятам.

Те подтянулись, совсем как народоармейцы, когда увидели перед собой высокого, перепоясанного ремнями командира в белой папахе. Особенно на них подействовали большие, закрученные кверху усы. Такие усы, должно быть, только большие командиры носят. Поэтому Витька сразу же спросил:

— Вы — Блюхер?

Рослый народоармеец в высокой папахе потрогал рукавицей усы, словно убеждаясь, на месте ли они, и улыбнулся:

— Нет, ребята. Блюхер — там, — и неопределенно махнул рукой в сторону окопов.

— Занят? — спросил Витька.

— Очень занят, — ответил черноусый.

— А чем же он занят ночью?

— Чем? — народоармеец подумал-подумал и с достоинством ответил: — К бою готовится.

— Не спит? Ни капельки?

— Совсем не спит.

— А как же у него голова работает? Наша бабушка говорит, если она не выспится, то балда балдой. Голова не соображает. А как же он руководит армией, если не спит?

Черноусый народоармеец даже обиделся:

— Вот сравнил... Она же у тебя старая, а он — молодой. К тому же твоя бабушка — женщина, а он — мужчина, командир. Знаешь, какой он сильный и выносливый? Подкову дай — запросто согнет...

— Да ну, — удивился Витька, — обманываете. Он что, богатырь?

— Настоящий богатырь, — подтвердил Наливайко. — Помню, как-то лошадь у нас была необъезженная. Кто ни сядет — всех сбрасывала. А сел на нее Блюхер — совершенно другая картина. Поуросила она: и на дыбы вставала, и задними ногами взбрыкивала, и резко в сторону отскакивала, но не могла сбросить его. И сразу же присмирела. А он зажал поводья так, что лошадь уже

не рада была. Да еще прогнал ее галопом километров пять, и все, больше уросить не стала...

— А выносливый... — черноусый улыбнулся, — помню, два дня по жаре шли, а он даже капли воды в рот не взял: было ее всего по три фляжки на два десятка бойцов. Блюхер свою порцию больным и слабым отдал.

— Вот это да! — Витька даже прищелкнул языком. — Вот с таким командиром в атаку на белых пойти... Отведите к нему. Мы хотим в его армию записаться...

— Ха-ха-ха! — глухим басом расхохотался командир. — Дорогие мои ребята, Блюхеру сейчас не до вас... Время очень горячее... Бой — штука непростая, к нему нужно готовиться...

Витька аж завертелся на месте:

— А мы уже подготовились... У нас винтовки есть...

Черноусый командир усмехнулся:

— Вам проще. Вы только за себя отвечаете, а он — за всех. — Но махнул рукой: мол, что им докажешь, и решительно сказал, беря под уздцы белую лошадь: — Следуйте за мной. Наши хлопцы будут рады. Ну а что дальше — посмотрим...

Народоармейцы, слушая мальчишек, доедали хлеб, когда в окопе появился человек в черном полушубке. Он шел быстро и так уверенно, словно привык к этим извилистым ходам сообщения из прессованного снега, кото-

рые еще только вчера соорудили бойцы. За высоким, широколобым человеком в черном полушубке шли несколько человек.

Бойцы вскочили на ноги, прижались спинами к стенам окопов, стараясь пропустить идущую группу военных. Но высокий около них остановился резко и неожиданно:

— Кто такие? — спросил он строго, указывая глазами на мальчишек. — Откуда?

Командир отделения доложил.

Суровый человек улыбнулся, и его лицо сразу преобразилось: стало приветливым и простым, словно он давно знаком с мальчишками и ему приятна эта встреча. Потом он, задумчиво глядя на них, покачал головой и протянул руку. Мальчишки почувствовали, какая у него большая, крепкая и сильная ладонь.

— Молодцы, ребята, — похвалил военный, — ваши винтовки, шубы и валенки пригодятся, ох как пригодятся. Если бойцу тепло, он и воюет лучше, а? Правда же? И лошадь нам пригодится. Я уже думал: на одну пушку не хватает нам лошади. Вчера убило ее случайной пулей... Спасибо вам! Но война — не для детей. Что я скажу вашим родителям, если вас ранит или убьет? — И тут же поискал глазами своего командира. — Нозиков, утром отправить мальчишек в тыл... Понял?

— Ясно! — четко ответил тот, к которому обратился строгий военный. Группа командиров ушла.

— Кто это были? — спросил Витька.

— Тот, кто тебе руку пожал и поблагодарил, — Блюхер. А рядом были Серышев и Покус.

Витька хотел побежать за ними, и даже бросился вслед, но бойцы остановили его. А Наливайко сказал:

— Блюхер своих приказов не отменяет. У него слово — закон.

Утром мальчишек провожали Нозиков и Наливайко. Жаль было отправлять Витьку и Ваську. Хотя и пробыли-то они у народоармейцев всего ничего, но стали бойцам как родные дети.

То ли не могли по глубокому снегу пробиться бойцы к Нижне-Спасскому, то ли хотели, чтобы ребята были с ними по соседству, но оказались Витька и Васька у лихого командира-кавалериста Петрова-Тетерина.

Рассказывали, что Васька и Витька воевали, как настоящие герои. Только вот фамилий их никто не помнит. Да ведь главное не в фамилии. Главное, что они стали хорошими наездниками, участвовали в освобождении своего родного села от белогвардейцев и интервентов, а потом — и в других боях. Блюхер сам вручил им кавалерийские ордена.

лерийские клинки, на эфесе которых было написано: «За личную храбрость».

Про пельмени и салфетки

Командир 6-го полка Александр Захаров вызвал начальника связи. Через несколько минут перед ним возникла долговая фигура. Лазарев отличался исключительной исполнительностью и немногословием.

Вот и сейчас он сказал: «Слушаю» — и посмотрел на Захарова, ожидая важного задания: по пустякам «волшебника связи» не вызывали. И он не ошибся.

— Петр Борисович, — сказал командир полка, — нужна надежная связь для Блюхера. И срочно.

— Понял, — односложно ответил Лазарев.

— Когда будет сделано? — уточнил Захаров.

— Сроки? — спросил начальник связи.

— Чем быстрее, тем лучше.

— Через час, — начальник связи посмотрел на часы. И командир полка — тоже.

Оба понимали, что задание не из легких: провода в полку не хватало, свою линию не протянешь. Но нужна связь для самого Блюхера!

И точно через час Лазарев доложил, что задание выполнено: связисты сумели подсоединиться к линии, которой пользовались белогвардейцы.

Связь работала надежно. В этом убедились, когда слышали четкий голос неизвестного связиста:

— «Фиалка»! «Фиалка»! Как меня слышишь?

— Слышу хорошо, — ответил наш связист, и Лазарев одобрительно кивнул.

— Будет говорить командир батальона.

— Кто? Кто? — переспросил связист.

— Полковник Свиридов.

Лазарев поднял палец вверх: мол, полнейшее внимание, слушайте, о чем пойдет речь.

— Слушаю, — ответил наш связист.

Командир батальона белых просил вызвать генерала Молчанова. Но услышал в ответ:

— Твой Молчанов пятки смазывает. Думает дать деру из Волочаевки.

Лазарев предупреждающе посмотрел на связиста.

— Кто говорит? — послышался гневный голос в трубке.

Связист быстро посмотрел на Лазарева, словно извинялся за то, что не может сдержаться, и торопливо, но четко ответил в телефонную трубку:

— Все так говорят.

Начальник связи в душе похвалил находчивого бойца, но тут же погрозил ему пальцем, что означало: вести себя сдержанно.

«Значит, «Фиалка», — рассуждал Лазарев. — Один позывной есть. Белогвардейцы держат связь с Владивостоком. Открылся канал для получения необходимых сведений для нашего командования». А вслух произнес коротко и требовательно:

— Прослушивать все и запоминать!

— Понял, — ответил связист, — только душа горит, товарищ командир. Хочется поговорить со всякими полковниками и генералами. Могу ведь, а? — улыбнулся он. И снова посерьезнел. — Сколько они над нашим братом поиздевались. Моего отца шомполами засекли... Поэтому, уж извините, не смог сдержаться...

— Поможем, — начальник связи выкрутил микрофон из телефонного аппарата. И распорядился: — Обо всем услышанном мне докладывать лично и немедленно.

— Понял, — строго ответил связист.

Чаще всего белогвардейцы вели шифрованные разговоры. Одним словом, хитрили, чтобы усыпить бдительность наших связистов. Мол, не догадаются они, о чем речь идет. Откуда им, безграмотным мужикам, деревенщине?

И по связи передавались сведения о всяких пустяках, непонятных и скучных. Однако связисты наши слушали все внимательно, стараясь уловить нужные командованию сведения. Так связисты узнали о том, что белые готовятся к наступлению на станцию Ин. Примерно такой разговор: «Наоборот: станцию уничтожить — ни-ни!» Думали-гадали связисты и поняли: если — «ни-ни» да еще «наоборот» — значит — Ин! И ее хотят уничтожить. Куда вернее: ожидается бой! Об этом немедленно доложили самому Василию Константиновичу Блюхеру. Он сразу же послал на станцию войска, которые разгромили белогвардейцев и гнали их до самой Волочаевки. Вот тогда-то и поняли связисты, какой у них важный и ответственный пост. Даже сам главком пришел и каждому пожал руку, каждого назвал героем и настоящим революционным бойцом. И стали связисты еще внимательнее относиться к своей, как им раньше казалось, «неинтересной» работе.

— Вы не только запоминайте, но и записывайте, — посоветовал Блюхер, когда уходил. — Тут надо ухо востро держать.

— Все подряд записывать? — спросили у него.

— Все подряд, — подтвердил он, — мы разберемся.

И вот однажды, в начале февраля 1922 года, связисты записали две странные телефонограммы: «Владивосток. Срочно подкрепить двести пятьдесят тысяч пельменей, господа офицеры голодают» и «Срочно подкрепить спиртом, салфетками торжественному обеду».

Телефонисты хохотали до упаду:

— Вот это аппетит у господ офицеров! Двести пятьдесят тысяч пельменей! Любят пожрать! Сколько же штук на каждого?

— И спиртом запивают! Да еще салфетками вытираются, не рукавом. Госпо-о-да!

— Стоит ли чепуху такую показывать Лазареву-то? — спросил один.

— А что? Пусть тоже посмеется, — ответил другой.

— Нет, товарищи, — возразил третий, — здесь что-то очень серьезное. И вовсе не смешное.

Начальник связи, ознакомившись с телефонограммами, смеяться не стал, а нахмурился и спешно отправился к Блюхеру.

Связисты недоумевали: чего это он встревожился! А ну как Блюхер даст им взбучку: скажет, о всякой чепухе докладывают, вообще уже зарапортовались. Тревожно у них было на душе до тех пор, пока не пришел Лазарев да не рассказал, что было в этих документах. Оказалось, что в первой белогвардейцы просили патронов, во второй — медикаментов и бинтов.

На этот раз по поручению главкома пришел благодарить связистов командир полка. Он весело сообщил:

— Блюхер обещал приготовить господам офицерам и пельменей, и салфеток! От всей души!

С наступлением рассвета следующего дня началась артиллерийская стрельба. Строчили пулеметы. Народно-армейцы дрались за каждый метр земли. Но продвижение давалось им с большим трудом. Бой не утихал в течение дня. Продолжался он и на второй, и на третий день.

Однако на третий день белогвардейская артиллерия обстреливала наши позиции все яростнее и яростнее, хотя все знали, что генералу Молчанову и его офицерам не могли уже подбросить «пельменей».

— Уже выдыхаются, — улыбался главнокомандующий, прислушиваясь к грохоту белогвардейской артиллерии. — Кончатся у них «пельмени».

— Зато уж мы подбросим! — говорил Василий Константинович Блюхер. — Ох, и подбросим! Долго будут помнить!

И выполнил свое обещание!

Секретный пакет

Командир сводного отряда Федор Иванович Петров-Тетерин вызвал своего любимца — разведчика Михаила Мышкина. Это был боец лет двадцати пяти. Бывший кузнец, он славился громадной силой. Но самым главным качеством, за которое его любили командиры и товарищи, было то, что Михаил в любом положении, даже самом невероятном и трудном, всегда находил выход.

Его смекалке и находчивости можно было только позавидовать. Петров-Тетерин посылал Михаила на самые трудные, рискованные и необычные операции. Вот и сегодня ему поручалось очень ответственное задание — доставить секретный пакет главкому Василию Константиновичу Блюхеру. Путь предстояло преодолеть большой и опасный. От села Даниловка до Волочаевки. И вот для чего.

По приказу Блюхера полк Тетерина, обойдя правый фланг противника, в деревне Восторговке соединился с партизанским отрядом Шевчука и 9—10 февраля 1922 года разгромил гарнизон белых в Архангеловке. А потом двумя эскадронами двинулись на Даниловку. За несколько минут изгнали белогвардейцев, а вот трофеи захватили богатые: две пары быков, запряженных в сани, туши мяса, ящик с хирургическими инструментами, мешки с мукой, несколько банок монпансье, банку сала и немного сахара. Зато уж оружия набрали — еле вместились в одной из горниц крайней деревенской избы: пулеметы системы Люиса и Шоша, Арисака, винтовки Ремингтона. Захватили шелковое белое знамя с надписью: «1-й Камский полк». На нем изображение головы Иисуса и кресты по углам. Но самое ценное, что попало в руки красных, — это секретные штабные документы. Вот их-то и решил Тетерин незамедлительно переправить Блюхеру.

— Смотри, чтобы пакет не попал в руки врага, — наставлял Федор Иванович.

— Ясно, — ответил Михаил и на рассвете отправился в путь. Маршрут ему был знаком. И даже в бездорожье он ориентировался правильно.

Верный друг — боевой конь Мушкетер — шел неторопко по заснеженным полям и перелескам. Снег хрустел под копытами. Кругом было тихо и немо. Казалось, стояла во всем мире тишина. Морозный иней садился на воротник полушубка, курчавился на шапке.

Уже половину пути преодолел разведчик. В редком лесочке он остановился, покормил коня, сам подкрепился. Прежде чем тронуть Мушкетера, внимательно при-

слушался. Никаких посторонних подозрительных звуков. Но что-то беспокоило Михаила. Что именно — он еще пока не знал, но необъяснимая тревога закралась в самое сердце.

Мышкин огляделся вокруг. Мушкетер прыдал ушами и испуганно раздувал ноздри.

— Наверное, волки, — предположил разведчик и уже хотел было натянуть уздечку, как Мушкетер заржал, а где-то совсем недалеко ему ответил его собрат.

Михаил определил, откуда раздалось ржание, и резко повернул в сторону, прищипорив Мушкетера.

Прошло несколько минут, и разведчик еще не увидел, но уже ощутил за своей спиной вражескую погоню.

Перемахнув овраг, Мышкин развернул коня на взгорке. Позиция была выгодной. Преследователи скрылись в овраге, и он ждал их появления, приготовив к стрельбе свой безотказный маузер.

Вот показалась папаха переднего всадника. Разведчик нажал на спусковой крючок, и эхо выстрела громко раздалось в морозном воздухе.

Белогвардеец откинулся назад и начал крениться на правую сторону. Второй всадник успел выстрелить раньше разведчика. На долю секунды опередил, и пуля сорвала с Мышкина шапку. Не успел он ответить, как вторая пуля ударила в грудь Мушкетеру. Михаил перелетел через голову рухнувшего в снег коня и выронил оружие. Над ним просвистело несколько пуль. Белогвардеец оказался отличным стрелком. С ним нужно держать ухо востро. Зазеваешься — и прощай, мама!

Михаил пошарил в снегу, нашел оружие и почти в упор, не целясь, да и не видя своих преследователей, вы-

стрелил навскидку. И тут же, укрепив на пеньке свою шапку, отполз в другое место. И сделал это вовремя, потому что белогвардеец подряд две пули всадил в шапку. Мышкин видел, как она вздрагивала после каждого выстрела. Видел это и белогвардеец, который приподнялся, чтобы разглядеть, почему это шапка не падает. И заплатил за свое любопытство. В это время Михаил поймал его на мушку и плавно нажал на спусковой крючок. Потом быстро перебежал по овражку и остановился около березовой рощицы. Выстрелов не было слышно, и он понял, что, видимо, ранил своего преследователя.

Выглянув из-за бугра, Михаил недалеко от себя увидел второго белогвардейца. Его придавила раненая лошадь, и он безуспешно пытался высвободиться, упираясь в нее и громко чертыхаясь. «Не стоит на него тратить пулю», — подумал Мышкин и, подкравшись, ударил белогвардейца рукоятью маузера. Потом отстегнул кобуру вместе с наганом, закрепил на своем полшубке. Теперь у него было преимущество. А вот если бы и лошадью завладеть, то и от меткого стрелка мог бы оторваться, и в назначенном месте был бы через час.

Эта лошадь была ранена. У нее уже начались предсмертные судороги. А где же вторая? Должна быть где-то недалеко. И он прикинул, в каком направлении была за ним погоня, где упал один, где мог спешиться второй. Значит, лошадь рядом, только Михаил ее не видит. Обогнув березовую рощицу, он вышел на нее так неожиданно, что даже вздрогнул, а лошадь, белая в яблоках, запрядала ушами и скосила глаза на Мышкина, пытаясь понять, кто это такой.

Повод уздечки зацепился за куст. Михаил вставил ногу в стремя, натянул удила. Конь взвился свечой и пошел наметом.

Вроде бы все учел Михаил: сделал большой круг, чтобы не выйти туда, где была схватка с белогвардейцами, но не учел одного: белогвардейский конь преданно служил своему хозяину. Услышав далекий, еле слышимый свист, конь встал на дыбы, поворачивая в сторону, где остался его хозяин.

— Ах ты контра, морда белогвардейская, — ругался Михаил, давая полные шенкеля, но конь крутился на одном месте, а вперед не шел. И даже хуже: выдавал разведчика. Как только раздавался свист белогвардейца, конь отвечал ему радостным ржанием.

Потеряв всяческое терпение совладать с конем, подчинить его своей воле, разведчик сказал:

— Ну ладно. Служил ты хозяину славно, последний разок послужи...

Привязал его к дереву, а сам отполз в сторонку.

Пока что все шло так, как замыслил Михаил. Белогвардеец приближался. Но, когда оставалось метров сто, остановился, оглядываясь по сторонам. Однако ничего подозрительного не заметил.

Бытягивая шею, он хотел разглядеть, привязан ли его конь или, может быть, случайно зацепился? Михаил и здесь все предусмотрел: повод он надежно закрепил у самого комля дерева — лошадь не оторвет, и не видно издали, что кто-то специально привязал.

Но что-то все же насторожило белогвардейца. Нависистывая, он не спускал глаз с коня, но не подходил к нему, а шел по кругу.

«Нет бы ко мне идти, а он — от меня, — покачал головой Мышкин, — но ничего, мы подождем».

Белогвардеец остановился, потом залег и открыл стрельбу. Нервы не выдержали.

«А у нас крепкие нервы», — сам о себе подумал разведчик, и только теперь почувствовал, как мороз сковывает голову, словно ледяными обручами.

Белогвардеец, поминутно озираясь и держа нагото-

ве оружие, приближался к своему коню. И, когда поравнялся, Михаил швырнул гранату. Взрыв потряс безмолвный лес, снег посыпался с деревьев.

Михаил, не таясь, побежал, проваливаясь в глубокий снег. Скорее, скорее. Время не ждет.

Вдруг Михаил почувствовал, как ноги его потеряли точку опоры и он, хватаясь за какие-то кусты, полетел в бездну. Нет, это была не бездна. Дно он вскоре обнаружил. Потом на ощупь обследовал яму. Она оказалась довольно глубокой. Яму, видимо, вырыли на звериной тропе местные охотники и очень искусно ее замаскировали. Хотели поймать лося или изюбра, а в нее случайно угодил разведчик. Да еще в самую неподходящую для него минуту. Сейчас нужно спешить. Пакет важный. И на него, на Михаила, надеются, верят ему. А теперь вот придется куковать в яме. Здесь и замерзнуть можно. Что же делать? Выбраться нельзя. Стены отвесные. Глубина порядочная, даже определить трудно, потому что настил не рухнул, а только в одном месте провалился. Если бы рухнул, то было бы лучше: хоть появились бы подручные средства для того, чтобы попытаться выбраться. Хоть надежда на освобождение из такой неожиданной западни была бы. А вот сейчас — никакой надежды. Попытался охотничьим ножом выдолбить ступеньку — бесполезно. Грунт так смерзся, что даже не крошился.

Но Михаил был не из тех людей, чтобы паниковать. Он ходил, постукивая валенок о валенок, и прикидывал, что бы предпринять. Его совсем не устраивала перспектива сидеть здесь даже до утра. За себя он не беспокоился, а вот пакет...

Так и не решив, что же делать, Михаил вдруг насторожился. Там, наверху, что-то зашуршало. Неужели белогвардеец добрался до ямы? А если откроет огонь? Михаил в долгу не останется.

Когда посыпался снег, Мышкин сжал в ладони маузер и прижался к стене. Затрещали ветки и что-то грохнулось вниз. Михаила ударило по руке так, что он чуть было не выронил оружие.

Разведчик присмотрелся и различил среди веток и снежной осыпи силуэт человека. Трудно было понять: он ли преследовал Мышкина, или, может быть, случайно попал в западню кто-то другой.

— Ты кто? — приблизившись на расстояние вытянутой руки и держа перед собой маузер, спросил разведчик.

— А ты? — в свою очередь спросил незнакомец.

— Я? — переспросил Мышкин, прикидывая, как бы лучше ответить, чтобы не настораживать незнакомца, но

расположить к откровенному разговору. — Я — охотник.

— Охотник? — удивленно воскликнул незнакомец и придвинулся вплотную, стараясь разглядеть того, с кем находился рядом. И, видимо, узнал только сейчас красноармейца, которого выследил в лесу. Он хмыкнул и сказал: — Кто же охотится с наганом?

— С маузером, — поправил Михаил, но врать он не мог и признался: — Да, гнался ты за мной мирово... И стреляешь — как в копеечку. Много, наверное, нашего брата положил?

Белогвардеец молчал: не мог же он рассказать все как было и все как есть.

— Ну ладно, отложим разговор на потом. — Михаил почесал лоб, подумал и сказал: — Нужно выбираться...

— Выбираться? — белогвардеец понурил голову. — Дело безнадежное. Отсюда не выбраться. Придется обоим погибать. Веселенькая картина: братская могила двух врагов...

— Ты прежде не хорони! — прикрикнул Мышкин, и белогвардеец испуганно заморгал и вжал голову в плечи. — Хошь — оставайся здесь, а я еще пожить хочу... Вот все, что здесь нападало, давай в общую кучу снесем... Большие ветки вдоль стены поставим. Они нам помогут выбираться... Первым поднимаюсь я. Ты — за мной, понял?

— Это как же — «первым»? Почему? А я что же — здесь пропадать?

— Дурья голова, — осадил красноармеец своего невольного напарника, — вдвоем сразу не подняться. Нужно помогать друг другу... Боишься, что брошу тебя? Нет, не брошу. У красных это не принято. Поменьше разговоров... Давай делом заниматься...

Белогвардеец посмотрел на Мышкина и спорить не стал. Боец широк в кости, чувствуется, крепок и силен. Нужно ему подчиниться.

Мышкин подошел к отвесной стене, встал на кучу веток, ухватился за жерди и крикнул:

— Давай, пособляй!

Белогвардеец пригнулся. Разведчик взобрался ему на спину, потом на плечи, подтянулся на жердях и уцепился за корневище у края ямы. Рывок! Корневище осталось в руке, а Михаил полетел вниз, грохнулся на ветки. Это-то и смягчило удар.

— Так, так, — поднялся Мышкин, поглаживая ушибленное место, — что же делать?

— Пропадем, — махнул рукой беляк, — не выберемся, и никто не поможет.

— Сами себе поможем, — успокоил его разведчик, — только надо подумать, как это сделать? — И тут же приказал: — Снимай ремень и портупею.

Связав ремни, Михаил прикрепил к ним корневище и скомандовал:

— Давай, пособляй.

Взобравшись на плечи белогвардейца, Михаил метнул свое приспособление раз, другой, третий, и наконец-то оно за что-то зацепилось. Рывок! И вот он уже снаружи. Глотнул свежего воздуха, отдышался. Ух, какое это счастье — быть на свободе! Потом нашел длинную жердину, опустил ее конец в яму и крикнул:

— Держись за жердь и за ремень!

Белогвардеец торопливо хватался за гибкую жердь, она обламывалась, и он срывался в черноту ямы.

— Да ты не торопись, — прикрикнул Мышкин, — лучше покрепче держись!

Напрягаясь изо всех сил, разведчик вытащил и белогвардейца. Тот отдышался, смахнул пот с широкого рябоватого носа и предложил:

— Давай разойдемся, а? Что нам с тобой делить? Меня же принудили служить. Я бы по собственной воле ни за что не пошел...

— Ерунда, — отмахнулся разведчик. — Лучше давай сюда оружие.

Белогвардеец нехотя полез в карман, помедлил, вытащил наган и передал разведчику.

Положив наган в карман, Мышкин, время от времени подталкивая белогвардейца, чтобы тот убыстрял шаги, стал углубляться в лес. Чтобы не простыть и не застудить голову, они через каждые сто — двести метров поочередно надевали шапку белогвардейца.

Когда до наших позиций оставалось не более километра, и Михаил, и белогвардеец одновременно увидели трех всадников. Те появились неожиданно, и спрятаться не удалось. Да и куда спрячешься? В предутреннем сумраке хорошо просматривался лес.

— Вот что, — быстро сказал Мышкин, — если белые — доложишь, что ты меня ведешь в плен, если красные — сам знаешь, что я скажу...

Всадники поравнялись, окликнули:

— Кто такие?

— Да вот поймал разведчика, — радостно ответил белогвардеец, когда увидел погоны на полушубках солдат.

Мышкин, чтобы отвлечь внимание всадников, молча подал кисет, набитый табаком. Те спешили, потянулись к кисету. А разведчик, воспользовавшись тем, что бело-

гвардейцы увлеклись сворачиванием «козьих ножек», быстро вынул пакет и сунул в валенок.

«Притворюсь немой, — решил разведчик, — ни одного слова не вытянут из меня. Лучше погибну, но буду молчать».

Белогвардейцы, затаившись крепким самосадом, повернулись к Мышкину:

— Кто такой?

— М-м-м, — промычал в ответ Михаил.

— Он что, немой? — спросили белогвардейцы у конвоира.

— Это у него от страха отнялся язык, — пояснил конвоир-белогвардеец. — Всю дорогу угрожал мне, что отведет к красным, — приврал он, — и расстреляют меня на площади родного села. — И тут же засмеялся. — А теперь на-ка, выкуси, — и поднес к лицу Мышкина кукиш, — ты, красный паразит, большего не стоишь...

— Ты — красный? — спросили Мышкина.

— М-м-м, — промычал Михаил.

— Отрицает, — пояснил конвоир, — притворяется. Ишь ты, язык отнялся. А мы тебе и голову отнимем, погоди немного...

— А ты — белый? — спросил один из всадников у белогвардейца.

— А как же! — с готовностью ответил тот. — Верой и правдой служу генералу Сахарову...

— Так это ты, паразит, — сказал один из всадников, — нашего захватил.

Белогвардеец по-лакейски любезно захихикал:

— Нет, не нашего — красного!

— Красного? — переспросил всадник, он, видимо, был старшим, и засмеялся: — А мы и есть самые что ни на есть красные! Понял?

— М-м-м, — промычал белогвардеец: теперь у него отнялся язык, и показал на погоны, мол, а это как понимать?

— А это — маскарад, — ответил старший из всадников, — вот таких, как ты, мы отлавливаем сейчас.

Михаил верил и не верил своим глазам и ушам. И все же открываться не спешил. Но, когда подъехали еще двое и в них признал Мышкин своих боевых друзей, он все понял и обрадованно закричал:

— Братцы! Мне торопиться нужно. У меня пакет к самому Василию Константиновичу. Побойстрее бы доставить...

Старший потребовал:

— Дай гляну!

Мышкин достал конверт с бумагами. Старший взял

пакет, разгладил в больших, грубых ладонях и прочитал:

— «Секретно. Блюхеру». — И с уважением посмотрел на бойца. Потом спросил то, в чем не мог разобраться: — Как же получилось, — кивнул в сторону белогвардейца, — что он тебя захватил?

Михаил все объяснил по порядку.

— Ну ты молодец, — одобрительно отозвался старший, — находчивый!

— Тетерин ненаходчивых не держит, — гордо ответил разведчик, и все рассмеялись.

Все, кроме белогвардейца.

Парламентар

Никогда не думал Павел Подервянский, что так может давить тишина. Он вырос в таежной глуши. Знал, как скрадывать птицу и зверя. И не только пушного зверя. Приходилось встречаться и с хозяином тайги. До сих пор на правой руке остались отметины от когтей смертельно раненного медведя.

Любил Павел тишину... Она всегда была его помощницей. А вот сегодня он понял, что тишина бывает и другой, тяжелой и гнетущей.

С той минуты, когда он вышел на главную прямую улицу села и двинулся к дому, где располагался штаб белых, словно бы тысяча ошестинившихся, но еще невидимых штыков направилась против него.

Павел шел прямо навстречу возможной гибели, высоко держа над головой белый парламентарский флаг. Он не мог остановиться, не имел права, не мог не идти вперед.

Ему оставалось преодолеть двести—триста шагов. От нервного напряжения они показались ему бесконечными. Руки устали и занемели, ноги двигались механически, каждый шаг давался с трудом. Парламентар, напрягая все силы, держался уверенно, с большим достоинством. Он считал, что именно так и должен держаться красный парламентар — посланник Блюхера.

Павел не видел белогвардейцев. Но он чувствовал, что за ним наблюдают. Наблюдают пристально и подозрительно: мало ли что на уме у этих красных.

И вот, когда до дома, где, как полагал Павел, расположился генерал Молчанов, оставались считанные шаги, навстречу ему из сеней шагнули два офицера.

— Прощу вас! — с холодной любезностью обратился один из них, показав на распахнутую дверь.

Павел поднимался на крыльцо, когда в проеме две-

ри, как из-под земли, выросли две рослые фигуры часовых и потребовали:

— Оружие сдать!

— У меня нет оружия, — ответил Павел.

Часовые недоверчиво взглянули на него, пошарили глазами по карманам и не проронили ни слова, не зная, как им дальше поступить с красным командиром.

Рослый, широкоплечий, Павел, хоть и без погон, был, безусловно, не рядовым: кожаные ремни перепоясывали его грудь, а на фуражке ало пламенела звездочка. На ногах сверкали начищенные до зеркального блеска настоящие хромовые сапоги. О таких он только мечтал. Свои давно уже износил, а эти ему сам Блюхер вручил. Да и сумку командирскую тоже ему новенькую достали. Как же, человек идет в логово врага!

— Пропустить, — потребовал белогвардейский офицер, и часовые расступились.

Парламентер распахнул дверь. В лицо ударило теплом и почти забытым запахом домашней колбасы и свежее испеченного хлеба. На минуту закружилась голова и острое чувство голода проснулось. Давненько не едали красные бойцы настоящего крестьянского хлеба! Четким шагом прошел он по белым половицам к столу.

Навстречу поднялся полный и грузный генерал. «Молчанов», — сразу же определил Павел. Молчанов представил всех, кто сидел рядом:

— Генерал Смолин! Генерал Никитин! Генерал Вишневский! Полковник Ширяев! Полковник Аргунов! Полковник Ловцевич!

— Красный командир Подервянский! — представился Павел. — Вам письмо от Блюхера.

— Какая честь, — усмехнулся Молчанов и тут же, приняв пакет, добавил: — Если сам Блюхер прислал, значит, важный документ.

Молчанов распечатал пакет, вытащил несколько аккуратно отпечатанных на машинке листков и, обращаясь к своим генералам и полковникам, сказал:

— Господа, у меня от вас нет секретов. Давайте послушаем, что нам предлагает сам Блюхер...

Молчанов кашлянул и хорошо поставленным командирским голосом стал читать:

— «Вас и ваших офицеров пугают расправой за прежние ошибки. Это ложь. Спросите ваших офицеров, которых мы взяли в последних боях в плен. Мы делимся с ними тем боевым пайком, который имеем сами, и теми медицинскими средствами, которые есть в нашем распоряжении»...

— Ну! — рассмеялся генерал Смолин. — Вот это

уж красная агитка. Чем же они делятся с нашими офицерами? Ну-ка, ответьте нам, красный командир? Вам ведь самим есть нечего? Кусок соленой кеты и то не всегда бывает? Разве я говорю неправду?

— Правду, — согласился Подервянский, и в доме стало тихо: никто не ожидал, что красный командир согласится. — Соленую рыбу едим и мороженный хлеб. Но мы в пленных видим прежде всего людей...

— Людей? — притворно-любезно переспросил генерал Смолин. — Разве это пища для людей?

— А им лучше и не надо... не привыкли, — сквозь зубы процедил генерал Никитин.

— Господа, — предупреждаяще поднял руку генерал Молчанов, — минуту терпения! Будем снисходительны к нашему гостю, — большого желания разговаривать с чернью генерал не испытывал, но перед ним был парламентар, и поэтому приходилось себя сдерживать. — У меня к парламентару один вопрос... Как же вы можете воевать? На голодном пайке сидите, спите в холодном снегу. Чем вы живете? И нужно ли все это вам?

— Нужно! — резко ответил Павел, выдерживая злой и в то же время насмешливый взгляд генерала Молчанова. — А живем верой в победу.

— Фанатики! — сквозь зубы бросил белогвардейский командующий и продолжал читать письмо, которое парламентар знал почти наизусть:

— «Спросите всех бывших колчаковцев-офицеров, которые бьются против вас в наших рядах. Они бьются за то, против чего идете вы, — за великую, свободную от иностранного хищничества Родину. Подумайте над этим, русский генерал, последним поднявший руку на свободную Россию и ее дочь — Дальневосточную республику».

— Да, мо-о-ожет Блюхер писать и недурственно, чувствует слово, — похвалил Молчанов, — он у нас был бы большим человеком. — И тут же переменил философский тон на чисто деловой: — И кто же из белых офицеров стал вашим союзником?

— Мельников. Он командир роты.

— Высочка, — отмахнулся как от мухи генерал Молчанов и тут же спросил: — А еще?

— Горенков. Командир батальона.

— Горенков? Самовлюбленный юнец. А еще?

— Булгаков-Гулаковский. Сейчас он командир хабаровского направления.

— Слабый и нерешительный командир, — последнее слово он особо выделил интонацией и посмотрел на своих соратников. Те молча кивнули в знак полного согласия. — А еще? Кто же еще поддерживает вас?

Павел назвал две-три фамилии бывших белых офицеров. Генерал Молчанов ни об одном из них не отозвался по-доброму.

— Так, так,—побарабанил белогвардейский командующий пальцами по столу, глазами пробегая письмо.

«Ну что же ты замолчал? — про себя обращался к генералу красный парламентар. — Читай, читай, там очень хорошие слова». Павел знал их. Там говорилось: «Драгоценная кровь русского народа заставляет меня обратиться к Вам с последним словом. Своих слов я на ветер не кидаю, так же, как и не на ветер будут выпущены пули нашей Народно-революционной армии, если борьба будет продолжаться».

Блюхер знал, что под Волочаевкой белые сосредоточили 3500 штыков, 1300 сабель, 99 пулеметов, 11 орудий и 3 бронепоезда. Значит, бой будет ожесточенным. Погибнет много людей — и белых, и красных. Во имя чего? Ведь каждый жить хочет, у каждого есть семья, дети или любимая девушка, друзья.

— Так что же хочет Блюхер? — сухо спросил Молчанов, откидывая письмо.

— Чтобы вы сдали оружие. Сопротивление бесполезно.

— Да? — вскричал Молчанов, и желваки заходили у него на щеках. — Он мне предлагает сложить оружие?! Неслыханная дерзость! У меня — крепость! У меня — солдаты в тепле! — генерал, заложив руки за спину, стремительно зашагал из угла в угол просторной горницы.

Парламентар терпеливо ждал, когда Молчанов успокоится и даст ответ по существу.

Поколебавшись какое-то время, и это было очень заметно, Молчанов остановился против красного командира и, покачиваясь на носках отливающих вороненым глянцем сапог, сказал четко и отдельно, но с ударением на каждом слове:

— Передайте Блюхеру, что мы не принимаем ультиматума...

— Передам, — чуть наклонил голову Павел, — но Блюхер будет вами недоволен со всеми вытекающими отсюда последствиями... Честное слово, пожалеете...

— Да что говорить с хамами? — вскочил рыжебородый полковник Ширяев. — Они недостойны наших разговоров. Это — чернь, быдло, подлое отродье. Кухаркины дети...

Полковник так взвинтил себя, что не мог удержаться от крика и угроз. Молчанову тоже трудно давался этот разговор, но он себя сдерживал.

— Просто им хочется погреться в нашей крепости,— сострил генерал Смолин. — Снежное одеяло и сугроб под голову — не велико удовольствие...

— Н-да, — пока состязались в остроумии его боевые друзья, Молчанов раздумывал: красные должны иметь не менее десяти тысяч штыков, если намерены овладевать Волочаевкой. И все же генерал считал, что ему удастся нанести противнику сокрушительный удар и, выбрав момент, перейти в контратаку, чтобы продвигаться на сто верст — к перевалу Вандан и отрогам Малого Хингана. Такую задачу он ставил в документе с грифом: «Совершенно секретно», адресуя его своим начальникам отрядов. Но там были и такие строки: «Не теряйте времени, говорите с подчиненными, не только с офицерами, но и с нижними чинами, помня, что только если каждый воин будет знать свой маневр, можно быть уверенным в успехе...»

Павел только вчера прочитал обращение командующего белой армии. Молодцы наши разведчики: сработали хорошо. Еще, наверное, не все белогвардейские солдаты знают этот документ, а Блюхер уже объяснил своим товарищам: Молчанов нервничает, понимая отчаянность своего положения. Значит, легче с ним воевать. Если у солдат нет веры в победу, они не победят.

— Этот бой будет решительным, но победителями будем мы, — словно бы прочитал цитату из своего обращения генерал Молчанов.

Усилием воли сдержал Павел желание сказать командующему белогвардейской армии, что он знаком с этими словами и думает иначе.

— Больше у вас побед не будет, — сказал Павел и увидел, как все присутствующие в этой горнице зло посмотрели на него.

— Пророк, — засмеялся полковник Ширяев, — а знаешь, чем может обернуться для тебя твое пророчество?

— Да, это я знаю, — спокойно ответил Подервянский и с большим достоинством, как подобает смелому человеку, выдержал молчаливую ярость собравшихся.

Ширяев зло сплюнул и ударил себя плетеным из кожи стеком по лакированному голенищу сапога.

— Господа, — заговорил генерал Молчанов, — считая, что переговоры закончились... Мнение наше едино: ультиматум отклоняем, — и слегка наклонил голову, давая понять, что парламентар может быть свободен.

— Честь имею, — кивнул Подервянский и пошел к двери под молчаливыми взглядами белогвардейцев, но, прежде чем переступить порог, повернулся к Молчанову и сказал: — Вы, генерал, не патриот России. Сколько

людей вы еще погубите, сколько прольете невинной солдатской крови.

Белогвардейский командующий молчал.

— Нас рассудит история, — сухо и высокомерно ответил он наконец.

— Она уже рассудила, прощайте, — Подервянский толкнул дверь и шагнул за порог.

Ярко светило солнце. Все вокруг радовалось жизни. Но Павел всем своим существом ощущал, как десятки враждебных глаз, словно острия штыков, сверлят ему спину. Он старался идти спокойно, готовя себя к тому, что если предательски выстрелят в спину, то он должен собрать всю свою волю, чтобы не обернуться, не показать, что дрогнул, испугался. Он ждал всего самого плохого и к этому готовился, потому что враги всегда оставались врагами.

И выстрел грянул. Он был слышен отчетливо. И одновременно с выстрелом над головой прожужжала пуля, ударила в белое полотнище парламентарского флага.

«Провоцируют, испытывают нервы», — подумал Павел, но не прибавил шага, не оглянулся.

Он представил довольное лицо Блюхера, слушающего рапорт своего парламентаря, увидел морщинки на его лице и впервые подумал, что нелегко главному: война — тяжелая работа. И он, парламентар, рад, что принес Блюхеру добрые вести: противник уже не представляет ту грозную силу, какою был до недавнего времени...

Павел не слышал второго выстрела. Он только с удивлением увидел, как одновременно на его шинели и на белом полотнище парламентарского флага расплзаются красные пятна.

Два Ивана

На таганке был подвешен выдавший виды походный котел. Бойцы доверху его наполнили снегом и теперь ждали, когда снег превратится в воду.

Иван Силлов подбрасывал в костер валежины и, время от времени заглядывая в котел, загребал в свои огромные ладони снег и добавлял его туда.

— Иван, — просил его товарищ Николай Свириденко, — да хватит, а то мы и чаю не попьем...

— Потерпи, потерпи, — спокойно отвечал Силлов, — если чаевничать, то — от души, а? — И он обводил взглядом народоармейцев. И никто не возражал: знали, любит Иван чаю попить. Если разойдется — котла не хватит ему одному. Вот какой богатырь! Ростом не мень-

ше двух метров. А плечи — прямо по окопу не пройти: тесно ему будет. А кулаки — словно пудовые гири. Силы у Ивана — позавидовать может самый сильный человек.

Рассказывали, как-то застряли сани, на которых везли снаряды, — на пенек наскочили. Да так наскочили, что ни назад, ни вперед. Крутятся сани на пеньке, а возница хлещет лошадь кнутом, плечом возок подталкивает, из-под шапки — пот градом. Лошадь изо всех сил упирается. А толку — никакого. Увидел это дело Иван Силов, молча оттеснил бойца, ухватился за край саней, крикнул, сорвал их с пенька и вожжи бойцу передал.

— Зачем скотину бьешь? — так сурово глянул на возницу из-под густых бровей, что тот присел от страха. — Сам во всем виноват, следить за дорогой нужно...

Весело забурлила вода в котле. Иван покрошил в нее березовый гриб-чагу и пригласил товарищей:

— Наливай! Нутро погреем. А то и околеть можно на таком морозе.

Сам он зачерпнул полный котелок и, шумно прихлебывая, присел на корточки.

— Сахарку бы, — мечтательно произнес Николай Свириденко.

— Попьешь с сахаром, — ответил Силов, — придет время. Вот разгромим беляков. Тогда всего будет вволю...

Бойцы, увлеченные чаепитием, не заметили, как подошел к ним Блюхер.

— Побалуйте чайком, бойцы? — весело попросил он, поглаживая короткие усики.

Народоармейцы повскакивали со своих мест. Поднялся и Иван Силов.

— С большим удовольствием, — ответил он, протягивая главнокомандующему свой котелок.

— Ну нет, — протестующе поднял руку Блюхер, — для меня этого много. — И засмеялся, поглядывая снизу вверх на бойца-богатыря. — Это тебе положена двойная порция. А мне вот крышку от котелка...

— С большим удовольствием. — Силов зачерпнул в крышку круто заваренного чая и протянул Василию Константиновичу. Тот отхлебнул глоток, другой, дохнул горячим паром:

— Ух, хорошо! Чай настоящий! Походный! Дымком отдает...

— Точно, — подтвердил Иван, — любил я вот так вот в тайге, на привале. Скоро ли снова придется зверя промыслять?..

— Покончим с белыми, — сказал Блюхер, — и в тайгу уйдешь. Это уже скоро будет. — Он подбросил несколько веток в костер и, глядя на яркие язычки пламе-

ни, добавил: — С такими бойцами, — с восхищением оглядел ладную фигуру Ивана, — мы всех врагов разгромим...

— Разгромить-то — разгромим, — вставил слово Николай Свириденко, — да нет у нас ни щипцов, ни кусачек. Чем проволоку рвать?

— Будем руками рвать. — Силов сжал кулаки, погрозил в сторону белых, добавил свое любимое: — С большим удовольствием. Пусть знают наших.

— Да, — вздохнул Блюхер, — много испытаний выпало на нашу долю. Но мы знаем, за что сражаемся и победим! — и подумал: «Побольше бы нам таких Иванов, как боец Силов. Один — стоит двух».

Во время утреннего наступления командиры и бойцы рубили проволоку пашками, сбивали ее с кольев прикладами и лопатами. А Иван Силов даже рвал руками, сдирая кожу, обрезая ладони. Рукавицы сбросил — мешали. А там, где нужно было сделать проходы пошире, наваливался со своими товарищами на колья, и они с сухим треском ломались.

Вырвавшись вперед, Иван оказался лицом к лицу с пятью белогвардейцами. Он сразу оценил обстановку: если вступить с ними в схватку или перестрелку, то проиграешь. Что же делать? Схватив винтовку за ствол, он бросился вперед, обрушивая удары на врагов.

Решительный натиск так ошеломил противника, что даже никто не успел ни выстрелить, ни увернуться. Ког-

да Иван Силов уложил всех белогвардейцев, то увидел, что приклад винтовки разлетелся на щепочки.

Он прихватил у одного из убитых трофейную винтовку и снова двинулся вперед, туда, где шла ожесточенная схватка.

Вот ведет неравную борьбу его товарищ Николай Свириденко. На него наседают трое белогвардейцев. «Быстрее, быстрее», — торопит себя Силов, но ноги как ватные, еле передвигаются в глубоком, сыпучем снегу. Иван не сводит глаз с товарища, видя, как тот выбивается из сил, крутится волчком, уклоняясь от штыков врагов.

Шаг, еще шаг, еще один. И вот Иван уже рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Увлеченные схваткой, уверенные в том, что они сейчас покончат с народоармейцем, белые не заметили, как Силов приблизился к ним сзади и, бросив свою винтовку в снег, схватил двоих за воротники шинелей и приподнял в воздухе. От страха те выронили оружие. Они не могли понять, что за неведомая сила оторвала их от земли. И пока Николай управлялся с белогвардейцем, Силов так стукнул лбами своих пленников, что те снопами ткнулись в снег и безвольно разбросали руки в разные стороны.

— Ну, Иван, спасибо, век не забуду, — Свириденко провел рукавом по лицу, размазывая пот и кровь, — если бы не ты — конец бы мне пришел.

— Конец им скоро придет, вон там, — убежденно сказал Силов и показал на сопку Июнь-Корань. — А нам рано думать о смерти...

— Точно, рано об этом думать, — согласился Николай и посмотрел на сопку. До нее рукой подать. А вот придется брать большой ценой.

— Пойдем, — хлопнул по плечу Иван, и Свириденко еле удержался на ногах: тяжела была рука у друга.

Как хорошо, когда рядом с тобой идет не один Иван, а как бы два Ивана. Это уже — сила! Большая сила, которую боится враг.

Поединок

Условным сигналом для штурма Волочаевки должны были послужить три выстрела с бронепоезда № 8. Этот бронепоезд с гордым названием «Освободитель» прославился в боях: он обращал в бегство белогвардейские подразделения под Ином и Ольгохтой. А теперь готовился к волочаевскому бою.

В экипаже были люди заслуженные, известные по многим боевым операциям: командир Дребышевский, ко-

миссар Кручинин, машинист Гребенников. И бойцы добрались один к одному — настоящие красные орлы, храбрые, смелые.

Наступил рассвет. Бойцы ждали команды.

— Подбросим огонька белым? Просят, — пошутил Михаил Дмитриевич Кручинин.

— Всегда готов! — отозвался Борис. — Только вот снарядов у нас маловато.

— Это ничего, — ответил комиссар, — бить надо по-суворовски: не числом, а умением. Бывало такое?

— Бывало, — весело откликнулся машинист и посмотрел на стену, где были укреплены два серебряных кубка с надписями: «За удержание ст. Ин в наших руках» и «За взятие ст. Ольгохта», а рядом — два революционных красных знамени, полученных в награду.

Гребенников подумал: с таким комиссаром можно воевать. Никогда он не теряется, верит в победу. Жизнь научила его упорству. В детстве он остался без родителей. Сумел закончить школу юнг Балтийского флота. Участвовал в восстании матросов крепости Кронштадт в 1905 году. За это был арестован и выслан на Колыму. Но бежал, находился на подпольной работе. В ночь на 25 октября 1917 года, командуя артиллерийской батареей, принимал участие в штурме Зимнего. А с 1918 года он на Дальнем Востоке. Боевой человек!

Любили комиссара бойцы. Его слова доходили до каждого сердца. А говорил он просто, но очень убедительно.

Вот и сейчас, за несколько минут до начала штурма Волочаевки, Кручинин сказал:

— Товарищи, нас не одолеть! Мы верим в то, за что воюем. А воюем мы за мир, за землю, за свободу. Это ли отстаивают белогвардейцы? Нет! Для них лучше, чтобы мир делился на бедных и богатых. Но к старым временам не может быть возврата! Теперь мы сами хозяева своей страны!

И прозвучала его команда:

— По врагам революции — огонь!

Прогрели выстрелы с броневика. Народноармейцы пошли в наступление. Штурм Волочаевки начался.

Когда рассеялась морозная дымка, бойцам стало видно, как бронепоезд «Освободитель», медленно продвигаясь вперед, обстреливал из пушки и пулеметов белогвардейские цепи. Не уступал и бронепоезд белых: тоже поливал свинцом наши боевые порядки, которые уже углубились во вражескую оборону.

— Перенести огонь на вражеский бронепоезд! — приказал командир.

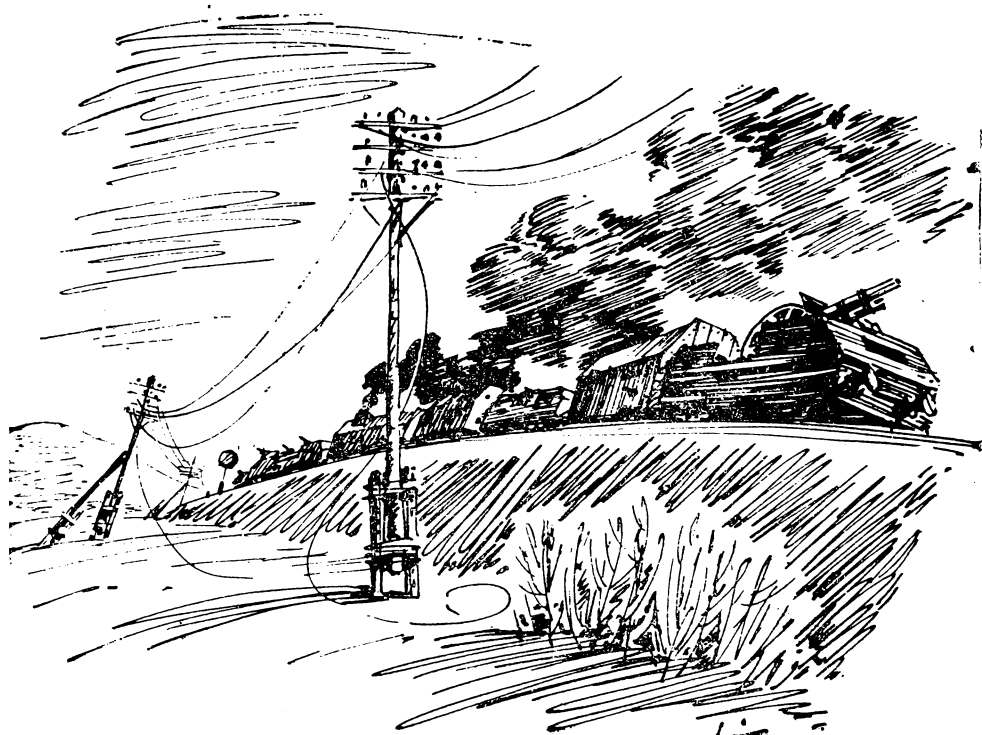
С этого момента начался поединок броневиков. Бронированные машины постоянно маневрировали, и поэтому поначалу снаряды не причиняли им вреда. Они падали вдоль насыпи, взрывались на путях. Но вот вдруг «Освободитель» качнулся от сильного удара и остановился. Прямое попадание! Выведено из строя 75-миллиметровое орудие и прогнута пулеметная площадка.

— Быстро устранить неисправность! — раздался напряженный голос командира бронепоезда.

— Стоять запрещаю! Продолжать маневрировать! — спокойно добавил комиссар. — Вести прицельный огонь!

Несмотря на вражеские снаряды, артиллеристы работали споро. Им помогал комиссар. Он был когда-то командиром орудия, орудийным мастером, и сейчас эти знания емугодились.

В это время связист передал командиру поезда Дребышевскому и комиссару Кручинину приказ командования: «Уничтожить бронепоезд противника». Приказ есть приказ, и его нужно выполнить во что бы то ни стало. Но как? Снаряды еще есть, но пушка-то не стреляет. Конечно, ее наладят, но для этого требуется время. А времени для выполнения приказа — в обрез. Да и противник понял, что «Освободитель» не представляет для него сейчас серьезной опасности. Он даже демонстративно и методично бил по второй линии проволочных заграждений, которую преодолевали наши бойцы.

— Надо идти на таран! — сурово предложил комиссар.

— Поддерживаю! — Командир бронепоезда обвел взглядом своих товарищей.

Никто не отвел глаз. Что значит идти на таран — понимал каждый: в столкновении могут погибнуть оба экипажа. Но другого выхода нет.

— Кто не согласен, может покинуть экипаж, — чуть помолчав, сказал командир.

— Ты что, Иван Андреевич, нас обижаешь? — с болью в голосе воскликнул Петр Городов. — Разве мы когда-нибудь подводили?

Дребышевский и Кручинин переглянулись: молодцы, ребята, все едины в такой трудный час.

— Тогда вперед! Победим или умрем в бою! — уверенно призвал комиссар.

«Освободитель» начал набирать скорость. Колеса медленно, а потом все быстрее и быстрее стали выстукивать на стыках одно и то же слово: «Вперед! Вперед! Вперед!»

Расстояние до вражеского броневика с каждой минутой сокращается. Вот остается метров триста, двести, сто...

Нервы у белых не выдержали. Их бронемашина неуверенно сдавала назад, словно раздумывая, стоит ли отступать. Их артиллеристы в страхе не могли даже с такого близкого расстояния попасть в безоружный «Освободитель». Он, по сути, был хорошей мишенью. Но у страха глаза велики. А поэтому побеждает тот, кто уверен в себе.

Когда белогвардейцы поняли, на какой отчаянный шаг решился экипаж «Освободителя», они развили такую скорость в отступлении, что сразу же оторвались метров на двести.

В это время один из артиллеристов подбежал к Дребышевскому и доложил:

— Товарищ командир, орудие в полном порядке! Отремонтировали!

Сквозь шум и грохот командир бронепоезда не слышал слов, а скорее догадался о них и тут же отдал приказ:

— Прямой наводкой — огонь!

Первый же снаряд метко угодил в контрольную площадку вражеского бронепоезда. Она взлетела на воздух.

Противник сбавил ход.

— Ура! — закричали бойцы нашего экипажа и дослали еще один снаряд в казенник.

Белогвардейский поезд дернулся, рванулся вперед и

начал выписывать вираж, чтобы скрыться за сопкой. Еще мгновение — и он будет недостижим.

— Огонь! — скомандовал Дребышевский, и снаряд, ударив под колеса, словно срезал бронированную машину с железнодорожной колеи.

— Ура! — снова закричали бойцы нашего экипажа.

Этот возглас подхватили народоармейцы, поднимаясь в решительную атаку. Они перемахнули через железнодорожную насыпь, прорвали вторую линию укрепления врага и неудержимым потоком растеклись по сопке Июнь-Корань, на вершине которой сегодня должно было взвиться красное полотнище революционного знамени.

За проявленные в этом бою смелость и находчивость бронепоезд № 8 и его экипаж были награждены орденом Красного Знамени — первым советским боевым орденом.

Боец Таня

Разве могла когда-либо подумать Татьяна Кузьмина о том, что станет бойцом Народно-революционной армии? Даже в мыслях никогда не было такого.

Работала она учительницей в Забайкалье. Вступила в партию большевиков. А потом ее направили в Москву на учебу в Коммунистический университет имени Свердлова. В Москве она видела и слышала Владимира Ильича Ленина, который выступал на X партийном съезде. Он говорил о стойкости бойцов-революционеров, о задачах Советской власти. Говорил и о том, что на Дальнем Востоке продолжается гражданская война, что японцы и белогвардейцы захватили далекий край и хотят двинуться на Москву.

Татьяна вместе со своими товарищами решила поехать на Дальний Восток, чтобы с винтовкой в руках сражаться за дело революции. Но винтовку не дали. Сказали, что лучше ей быть медсестрой.

Таня участвовала во многих боях, выносила с полей сражений раненых, делала им перевязки, стараясь не обращать внимания на посвист пуль.

Однажды отряд, в котором она находилась, срочно погрузили в эшелон.

— Куда? — спросила Кузьмина у командира.

— На Волочаевку, — ответил он и ушел решать еще какие-то неотложные дела.

Когда поезд тронулся, Таня разыскала командира. Он сидел в кругу бойцов около железной печки. На ней в котелках варилась каша. Все отдыхали. На нарах лежали патронташи, у стенки между нар стояли винтовки.

Волнуясь, Таня тронула командира за рукав, попросила:

— Дайте и мне винтовку!

Командир порылся в куче подсумков, вытащил новенькую санитарную сумку и протянул ее девушке:

— Держи, это тебе лучше подойдет.

Бойцы безобидно засмеялись. А Таня вспыхнула, надев сумку на плечо, хотела взять и винтовку, но командир предупредил:

— Не полагается!

— Это почему же? — сердито прищурилась девушка.

Тот, не торопясь, пояснил:

— Не женское это дело...

— Не женское? — гневно выкрикнула девушка. — Да как вы, красный командир, можете такое говорить? В борьбе за Советскую власть не может быть мужской или женской работы.

Бойцы удивленно и в то же время уважительно посмотрели на девушку, словно видели ее впервые. Вот это она выдала! И перевели взгляды на командира: что тот ответит? А ответить было трудно, это каждый понимал.

Командир на минуту смутился, но примирительно сказал:

— Не обижайся. Нет у нас лишних винтовок. Не могу же я тебе свою отдать или забрать у Трофимова, — и показал в сторону парня с пышной черной бородой, как у цыгана. — Глаз у него охотничий — ни одного промаха... Вот если в бою добудешь винтовку, тогда закрепим ее за тобой... Договорились?

Таня все еще обиженно отворачивалась. Трофимов достал ложку и протянул ее Тане.

— Ешь, каша поспела, — сказал так, как будто заглаживал перед ней какую-то свою вину.

Не успели бойцы поесть, как дверь с шумом растворилась и кто-то невидимый, окутанный хлынувшим в теплушку паром, прокричал:

— Выходи!

Бойцы расхватили винтовки и попрыгали в глубокий снег под откос. Не выстраиваясь, они быстро побежали вдоль железной дороги по снежной нетронутой целине.

Вечерело. Сорокаградусный мороз захватывал дыхание, дул резкий ветер, от которого не скроешься среди низкорослых дубков. Отряд развернулся. Залегли, закопались в снегу.

Белые стреляли из пулеметов. А ноги стыли, деревенели в снегу. Показался командир. Он что-то крикнул, призывно взмахнул рукой, и цепь раздвинулась шире.

А через минуту передали приказ наступать. Бойцы бросились в атаку.

На правом фланге они особенно выдвинулись вперед. Белогвардейцы подпустили их на близкое расстояние и расстреливали в упор. Еще бы немного, и наши были бы смяты. Но вовремя пришла поддержка. Преследуя противника, бойцы ворвались в окопы врага.

Таня увидела выскочившего из окопа беляка и погналась за ним. Тот, словно заяц, петлял из стороны в сторону. Но девушка догнала его, схватила за ворот. Белогвардеец вывернулся, увидев перед собой девушку, на мгновение оторопел. Потом спохватился и хотел поддеть ее штыком. Но Таня ухватила за винтовку, так дернула ее на себя, что соперник плашмя упал в сугроб, взвихрив снег.

Белогвардеец поднялся, отер снег с лица и снова бросился к девушке, но тут же упал на спину, распластав руки.

Таня, не поняв, что произошло, обернулась и увидела Трофимова. Тот держал винтовку в руке и улыбался.

— Напугалась? Теперь он тебе не страшен. — Потом хлопнул девушку по плечу: — Ну, молодец, добыла-таки винтовку, теперь воюй, как все.

И Тане радостно было, что наконец-то ее признали бойцом, что теперь она с оружием в руках будет защищать Советскую власть, громить белогвардейцев и интервентов.

Унты командира

Всю ночь пролежали бойцы около проволочных заграждений. Огонь белогвардейцев был силен. Головы не поднять. Но вставали в атаку народоармейцы, рвались вперед, закреплялись на новых позициях, неся большие потери. Каждый сантиметр брался с трудом, поливался солдатской кровью. Устали и вымотались бойцы. И когда узнали, что сегодня больше не будет атак, тут же повалились в снег и заснули.

Пришлось командиру отделения Павлу Немченко всю ночь ходить тормозить товарищей, чтобы они не замерзли.

А утром Павел пошел в наступление, увлекая за собой товарищей. Быстро преодолели первые заграждения. Только на обвисшей проволоке кое-где остались расклевываться шинели и полубубки.

Над головой, словно шмели, жужжали пули. Впереди, сбоку, сзади то и дело вспархивали снежные фонтанчики от осколков снарядов.

Немченко с разбегу остановился, словно наткнулся на невидимое препятствие. Смотрел он смерти в глаза, не страшился ран, но с такой картиной встретился впервые. И она его ошеломила. С убитых народоармейцев была снята обувь: валенки, сапоги, ботинки. Это постарались белые. Значит, тоже они от мороза страдают. Да еще как, если под покровом ночи, рискуя жизнью, пробирались к самым нашим позициям. Вон до сих пор видны следы на снегу: ползком, как воры, страшась встреч с бойцами, пробирались от одного убитого к другому. Да и своих тоже не пощадили: обобрали как только могли.

— Ну что за люди, — зло сплюнул Павел, — тьфу! Разве можно их после этого щадить? Да ни за что!

Бойцы ничего не ответили, но видно было, что они согласились со своим отделенным командиром, разделили его гнев, потому что крепче сжали винтовки в руках и решительно двинулись вперед, с остервенением руша колючую проволоку.

Но далеко не удалось продвинуться. И снова около проволочных заграждений заночевали народоармейцы.

Время от времени бойцы переговаривались между собой, и этот неторопливый разговор словно согревал их.

Павел, вспомнив, как ночью белогвардейцы стаскивали обувь с наших бойцов, возмущенно говорил об этом и наставлял своих товарищей:

— Вы внимательно посматривайте вокруг. Если вдруг заметите где-то подозрительный бугорок — без раздумий садите в него из винтовок...

— А вдруг это зверь? — высказал кто-то предположение.

— Зверь в такой мороз не высунет из норы носа, — поучал Немченко, — а вот эти, — он махнул рукой в ту сторону, где должны были, по его предположению, находиться белые, — рыскают... грабят... Вот и надо им охотку отбить... Привести в чувство...

Но как ни всматривались бойцы в призрачную февральскую сѹть, белогвардейцы не появлялись. Наверное, почувствовали, что дорого им может обойтись ночная «охота».

Боец Иван Фролов зябко поеживался: ноги у него в сапогах, которые давно просили «каши», немели от холода, и он то постукивал сапог о сапог, то поднимался и приплясывал на одном месте в надежде согреться...

— Мороз — жуть, — пробормотал он, — не одолеть его. Павел разулся, сказал Ивану, протягивая унты:

— Давай поменяемся. Погрейся.

Тот немного поколебался, слабо поотнекивался, но

все же с готовностью натянул теплые, словно прожженные солнцем, унты и сразу же затих.

Павел подождал-подождал и не выдержал, спросил:

— Ну как?

— Как на бабкиной печке, — весело отозвался боец. — Благодать!

До самого утра командир и его бойцы по очереди надевали унты, отогревая окоченевшие ноги.

Перед тем, как идти в бой, Павел Немченко обвел своих боевых друзей долгим взглядом, спросил:

— Ну как, тепла набрались?

— Набрались, — ответил за всех Иван Фролов, — вот так бы всегда — хоть одни унты на всех для сугрева. И то, глядь, веселей было бы жить...

— Если погибну, — командир отделения улыбнулся, — хотя погибать не хочется, вон сколько мы вместе и все — как родня, а? — Подумал о чем-то и закончил твердым завещанием: — Но если погибну, берите унты, носите на здоровье!

— Не нужно таких разговоров, — запротестовал Иван Фролов. — На кой черт нужны нам такие разговоры и такие унты... Лучше вот так, по-человечески, по кругу, да...

— Вместе воевали, вместе будем победу встречать, — поддержал товарища Федор Ситиков, — мы не беяки, с ног обувь срывать... И не о смерти думать надо...

— Я как красный командир не имею права думать о смерти, — торжественно, словно на собрании, повел речь Павел, — но вдруг — хлоп, и крышка! Все может быть! — Не мог Немченко хорошо говорить, но все его понимали, потому как не первый год с друзьями-товарищами ходил он по военным дорогам гражданской войны. Так он обычно выражался.

— Все равно это не годится, хоть и воля твоя есть, — стоял на своем Иван Фролов. — Ты лучше сам в них ходи. — Боец от полноты дружеского чувства даже хлопнул Павла по плечу. — Живи, командир, живи долго...

Но наутро в первые же минуты боя убило отделенного командира. Он упал лицом вперед, словно споткнулся и сейчас вот-вот поднимется. Для новой атаки. Для нового рывка. Только с силами нужно собраться. Но не поднялся командир. Как упал на колючую проволоку, так словно с нею сросся. И нельзя было оттащить его в сторону. Белогвардейцы вели прицельный огонь. Но не могли бойцы оставить своего командира. А вдруг снова нагрянут белогвардейские мародеры? И они стали охранять тело командира. По очереди ходили в затишье: за груды деревьев, которые были срезаны снарядами и сложены

бойцами так, что можно было и посидеть, и даже вздремнуть минутку.

А «охотники» сегодня осмелели: видимо, почувствовали, что приближается здесь их последняя ночь, после которой они откатятся от Волочаевки навсегда. Вот и хотелось побольше «трофеев» с собой прихватить. В чистом поле на морозе без теплой обуви пропасть можно: обморозиться или замерзнуть.

Когда Федор Ситиков возвращался, как он говорил, из затишка, услышал хлопнувший рядом выстрел. «Что бы это значило?» — подумал боец и прибавил шаг.

И вот он увидел, что недалеко от тела Немченко лежал распластавшийся на снегу дюжий белогвардеец. За пояс у него были заткнуты большие грубые пимы — сибирские валенки. Уже сумел с кого-то снять. С сопки тянулась голубоватая жилка и обрывалась около белогвардейца. Это был его след. И Федору показалось, что это большой паук на голубой ниточке спустился с высоты к своей жертве. Он испугался, хотел повернуть назад, когда увидел народоармейцев, но не удалось. Его ждало возмездие.

— А вот еще след. Значит, он был не один, — сказал Федор, у которого было очень острое зрение, и показал Ивану Фролову.

— Не вижу, — признался Иван. — Ну-ка, приложись!

Федор передернул затвор и выстрелил навскидку. Бугорок в снежной борозде-ниточке подпрыгнул и замер.

— Готов! — прохрипел простуженным голосом Федор. — Тепла захотели? Теперь вам его хватит на всю оставшуюся жизнь...

Бойцы сели на снег. После «боевой операции» вроде бы даже на душе потеплело.

— Слушай, — неуверенно обратился Федор к своему товарищу. — Может быть, надеть тебе унты? Павел завещал... Ты же без ног можешь остаться. Понимаешь, без ног? Нужно же хоть о себе подумать...

— Ни за что, — поднялся Иван и решительно рубанул рукой воздух. Потом наклонился, затолкал портянку в дыру сапога. — Лучше вот так ходить, — он тряхнул ногой. — Не могу я обижать своего командира, понял?

— Да что там, понял, — протянул Федор и пожал плечами: — Чо не понять? — И примирительно добавил: — Я же об тебе думаю. Обморозишься. О живых теперь надо думать, а не о мертвых...

— А для меня командир как бы живой, — упрямо мотнул головой Иван. — Понял?

— Чо не понять? — снова повторил Федор. — Я же как лучше...

— Смотри, — Иван сжал кулак и потряс им, — хватит об этом. А то не выдержи, хоть и друг ты мне...

И Федор действительно понял, что нельзя больше испытывать терпение друга. Слишком тяжел кулак у бывшего деревенского молотобойца, а ныне бойца Ивана Фролова. Тяжел кулак, но справедлив. На днях выбежал на него один беляк. Да и растерялся. А Иван под-сумок прилаживал на ремне. Винтовка лежала рядом. Иван тоже растерялся как боец. Просто по деревенской привычке звезданул белогвардейцу между глаз — тот и охнуть не успел, как свалился в снег.

До самого утра охраняли бойцы своего командира. До новой атаки, которая завершилась победой.

И, когда Иван Фролов бежал в цепи атакующих, ноги его так согрелись, словно они побывали в теплых унтах командира.

Именинник

Накануне решающего боя за Волочаевку главнокомандующий Народно-революционной армией Василий Константинович Блюхер и командующий войсками Восточного фронта Степан Михайлович Серышев обходили цепи бойцов. Те уже третий день мерзли в холодных окопах, ожидая команды к штурму.

И Василий Константинович, и Степан Михайлович старались поддержать бойцов, настроить их на победу. С кем пошутят, с кем перекинутся теплым словом, ободрят, с кем сигарку выкурят.

В одном из снежных окопов они остановились, при-слушались к разговору. Бойцы говорили неторопливо.

— Сплоховать нам нельзя. В бой, говорят, сам Блюхер поведет...

Другой голос убежденно поддержал:

— Где Блюхер — там победа...

Серышев взял Василия Константиновича за рукав, молча кивнул в сторону окопа, как бы спрашивая: слышал? Ну и что скажешь?

Блюхер развел руками: мол, если так думают бойцы, значит, так оно и будет. А как же иначе?!

Снова послышался басовитый голос:

— Значит, говоришь, день рождения у тебя завтра? Это хорошо. Вот ты, Семен, и должен отличиться.

— Это как же? — спросил молодой голос и смолк.

— Как? — собеседник помедлил, обдумывая от-

вет. — Очень просто. Побольше положить беляков.

Тот, которого звали Семеном, глубоко вздохнул:

— Рад бы. Да как получится.

Но старый боец (это слышалось по глуховатому голосу) недовольно проворчал:

— Вот заладил: «как», «как». Стреляй, да и все.

— Хорошо тебе советы давать, — грустно сказал молодой. — А мне вот не везет. Как бой, так обязательно зацепит. Вот видите, — и он, наверное, показал на повязку. — Вчера задело.

— А завтра не должно задеть, — стоял на своем старый солдат, — завтра ты — именинник. Вот и старайся. Сам задевай врагов. А мы тебе поможем. — По-видимому, он протянул своему товарищу патроны, потому что настойчиво повторял: — Бери, бери. Тебе положено.

Блюхер и Серышев подошли к окопу и увидели, как к молодому бойцу с повязкой, выбивающейся из-под буденовки, потянулось несколько рук. Каждый делился с ним тем, что было дорого бойцу. Народноармейцы, увидев командиров, расступились.

— Что здесь у вас происходит, орлы? — спросил Василий Константинович.

Пожилой боец в заячем треухе чуть выступил вперед и охотно пояснил:

— Да вот у Семена завтра день рождения, должен он отличиться по такому случаю в бою — так мы порешили и вручаем ему подарки. — И повел рукой, показывая на товарищей.

— Это вы хорошо придумали, — улыбнулся Блюхер и повернулся к Серышеву, — как считаешь, Степан Михайлович?

— Одобряю, — Серышев высыпал на ладонь парня несколько винтовочных патронов, сверху прикрыл своей ладонью. — Желаю удачи.

— Я тоже не хочу быть в стороне от такого события, — Василий Константинович протянул гранату, — угости беляков. Поделись с ними нашими подарками! Видишь, все мы с тобой делимся по-братски, не подведи.

Семен поначалу оробел. Два командующих не только беседовали с ним, а даже вручали ему гранату и боевые патроны. Расскажи он кому об этом, вряд ли бы кто поверил ему.

Семен оглядел товарищей. Хотелось, чтобы все видели то, что происходит. Не торопясь, деловито прикрепил гранату к поясному ремню, винтовочные патроны бережно ссыпал в карман. И показалось, что мороз теперь не такой уж сильный, что ветер не леденит дыхания.

— Рад стараться, — звонким от волнения голосом

произнес Семен и вытянулся по стойке «смирно» перед командирами.

— Старайся, — Василий Константинович обнял бойца за плечи, — все мы завтра постараемся! Ну а как настроение у вас, друзья? — обратился главнокомандующий к остальным народоармейцам.

— Боевое! — четко ответил старый боец Горлов, который знал Василия Константиновича еще по Перекопу.

— Точно, Герасим Иванович, с тобой мы не пропадем, а? — засмеялся главком. — Мы от вражеских пуль заговоренные. Помнишь, как один метил в тебя из нагана, а другой уже шашку занес над головой?

— Помню! Разве такое забудешь? — Горлов кашлянул в рукавицу — то ли от холода, то ли от воспоминаний перехватило горло. — Как вы их тогда ловко — одним махом сняли...

— Пусть знают наших, — засмеялся Василий Константинович, — а ты — тоже не промах! Как сейчас помню: вышла оплошность — выбили мне шашку из руки. Ну, думаю, пока достану наган, головы и лишусь. А ты — тут как тут. Отбились!..

— Да, было, — задумчиво произнес Герасим Иванович, — сколько их было, разных боев! Да и сейчас бы побыстрее в бой! Хоть согреться бы, — пошутил он.

— Утром согреемся, — пообещал Блюхер, — жарко будет небу, ну а белякам — тем более.

— Это дело! — зашевелились и запереговаривались бойцы. — Вот если бы бой был последним!

— Обещаю, — твердо сказал Василий Константинович, — бой будет последним на амурской земле. Но шашки в ножны вложим тогда, когда всех белогвардейцев и интервентов сбросим с нашей дальневосточной земли в Тихий океан.

Он почувствовал, как повеселели бойцы, как начали сворачивать сигарки.

— Перед хорошим делом всегда нужно перекурить, — сказал Василий Константинович и тоже принялся из газетной полоски сворачивать себе «козью ножку».

Рассвет пришел со жгучим морозом. Серебряная дымка висела над землей. Легкий ветерок доносил сухое шуршание прошлогодней травы и еле уловимый звон сухих дубовых листьев.

Казалось, заснеженная степь на подступах к сопке Июнь-Корань погружена в глубокий сон. Никаких признаков жизни!

Но вот раздались условные выстрелы с нашего бронепоезда. И снег зашевелился, и на его сверкающей белизне показались светлые пятна, которые сливались со снежной равниной, и темные пятна, видимые далеко и со всех сторон. Это отряды народоармейцев двинулись на штурм белогвардейской крепости. Сначала тихо и нестройно, потом громче и громче стал нарастать возглас «Ура!». Казалось, что это торжествующее слово, усиленное грохотом орудий и ружейно-пулеметного огня, заполняло всю степь, и, крепчая, поднималось все выше и выше. Последние укрепления врага, которые еще не были сломлены за два дня штурмовых боев, рушились под напором неодолимой силы.

Под копытами конницы, от взрывов снарядов, изпод ног бегущих людей снег встал облаком, и казалось, что этот огромный снежный ком летит не вниз, а вверх. И белогвардейцы видели, как снежный вал накрывает их цепи.

Василий Константинович появлялся в самых жарких местах боя, увлекая за собой бойцов. Он расстегнул полушубок, папаху сбился на правое ухо. Но он так быстро гнал коня, что не все за ним успевали.

Уже около самой вершины Блюхер увидел молодого бойца Семена, спросил на ходу:

— Ну как дела, именинник?

Семен, тяжело дыша, прохрипел:

— Счет хороший. Десятерых уложил...

— Так и держи! — крикнул Блюхер и махнул в сторону станции: — Давай туда! Быстрее! Там нужны такие стрелки! — А сам повернул к бойцам штурмового полка.

Народоармейцы пробились к станции. Бросились в рукопашную. Но белогвардейцы накатывались волна за волной. Семен со своими товарищами подоспел туда, где была самая жаркая схватка.

Они вышли к крайним домам станции. Под сплошным огнем белых пришлось залечь.

Огородная борозда, засыпанная снегом, веда к полуразрушенному сараю. Оттуда непрерывно бил пулемет. Со всех сторон к нему пытались пробиться наши бойцы. Семен увидел, как Горлов поднялся во весь рост, бросил в сарай гранату и тут же упал. Раздался взрыв. Щепки полетели в разные стороны. Снежный вихрь встал завесой — ничего не видно впереди.

Семен подполз к Горлову. Старый солдат лежал на спине, раскинув руки. На его шее кровью сочилась небольшая ранка.

— Герасим Иванович, — позвал молодой боец и бережно приподнял его голову, — Герасим Иванович!..

— Скажи Блюхеру... — прохрипел Горлов, и голова его безжизненно склонилась в сторону. Что он хотел передать Блюхеру, так и осталось неизвестным.

Семен беспомощно оглянулся и тут же упал в снег: пуля сорвала с головы буденовку.

— Ах ты, герой! — всматриваясь в темноту чердака сарая, чертыхнулся боец. Оттуда время от времени выглядывало лицо пулеметчика.

— Ну ладно, — разозлился Семен, — посмотрим, кто кого...

Он подтянул к себе винтовку, удобнее устроился и, выждав момент, плавно нажал на спусковой крючок. Пулемет замолчал. Семен хотел подняться, но рядом полоснула очередь. Он затаился, подождал и, когда в проеме чердака увидел пулеметчика, снова выстрелил. И попал! Белогвардеец отпрянул во внутрь чердака, а пулемет застрелял в проеме.

Бойцы поднялись и с винтовками наперевес бросились вперед. Наступление продолжалось. Гремело «Ура!». В огородах, проулках, в крестьянских избах, в сараях и на чердаках вспыхивали неожиданные схватки.

Словно какая-то неведомая сила поднимала молодого бойца, отрывала от земли и в то же время уберегала от случайной пули. И он потерял счет времени. Ему казалось, что он уже несколько дней только и делает, что стреляет, колет штыком, бьет прикладом, рвет провололочные заграждения.

Увлеченный боем, Семен не заметил, как обогнал своих товарищей и оказался лицом к лицу с группой каппелевцев. И только сейчас понял, что патронов больше нет. В штыковую не пойдешь. Бесполезно. Врагов намного больше. Тогда он вспомнил про гранату, рванул чеку и швырнул ее в белогвардейских офицеров. Она упала удачно — в самом центре группы. Раздался взрыв. Слышно было, как над ним пролетели осколки.

— Пригодился подарок Блюхера, — радостно подумал Семен и бросился туда, где только что были каппелевцы.

Прихватив подсумки с патронами, Семен в плотной цепи товарищей шел к последним окопам белогвардейцев.

Еще несколько минут, и бой затих.

Когда выводили пленных и собирали трофеи, разгоряченный боем Блюхер увидел Семена:

Он крепко пожал ему руку и сказал:

— С днем рождения тебя! Дрался ты на славу! И за это принимай в дар от меня!

Главком вынул карманные часы и протянул бойцу.

Семен глянул на них и ахнул. Крышка была вдавлена от удара пули.

И они остановились только что. Стрелки показывали 11.30 утра — время взятия Волочаевки.

Сестренка

Наши войска только что взяли Волочаевку. Это была большая победа. Но противника нужно было полностью уничтожить. Главнокомандующий Василий Константинович Блюхер принял решение: преследовать отступающих, не давать им передышки.

Белогвардейцы, поспешно отступая, бросали сани с продовольствием и снаряжением, пушки и пулеметы в глубоком снегу. Теперь главным было не это, главное — унести ноги, не попасть в плен. Отходили по бездорожью в направлении деревни Дежневки.

Василий Константинович понял замысел белогвардейцев: если те придут в деревню, то будет у них и продовольствие, и крыша над головой, да и выбить их будет не так-то просто — каждый дом и сарай превратят они в опорные точки обороны. Чтобы этого не произошло, взял главнокомандующий белогвардейцев в клещи — охватил с двух сторон своими частями. И расчет был такой, чтобы не допустить противника в деревню.

Как только белогвардейцы показались вблизи деревни, из засады ударили по ним пулеметы. Не успели от-

ступающие повернуть в другую сторону, как сводный кавалерийский полк с криком «Смерть палачам!» неожиданно обрушился на них. Схватка была горячей.

Народоармейцы, измученные трехдневным штурмом Волочаевки, во время которого они почти ничего не ели и в передышках между схватками спали прямо в снегу, у самых проволочных заграждений противника, от усталости еле держались на ногах. Но велико было желание полностью разбить белогвардейцев, и наши бойцы шли вперед, сжимая в руках саблю или винтовку.

Во второй половине дня из-за линии железной дороги выскочила белогвардейская конница.

Сытые кони шли полным галопом, поднимая буруны снежной пыли. Всадники сидели на конях уверенно, все как на подбор здоровые, упитанные, сильные.

Лучи солнца отражались на стали обнаженных сабель, и сталь, казалось, была обогрена кровью.

Когда расстояние между белогвардейскими кавалеристами и нашим сводным кавалерийским полком сократилось метров до двухсот, послышалась команда:

— Шашки к бою!

Наши кавалеристы сразу оценили обстановку: бой будет трудным.

Но из деревни в самый критический момент вылетел эскадрон красных конников Федора Шептюка.

Многие из белогвардейцев знали этого смелого и храброго командира, сходились с ним в рукопашной и долго залечивали раны, нанесенные меткими ударами его сабли. А сколько еще в эскадроне было таких бойцов, с которыми белым не хотелось бы встречаться, потому что такая встреча могла бы быть для них последней.

Белогвардейцы, почуяв опасность, стали быстро забирать влево, но было уже поздно. Наш сводный полк отрезал отступающие белогвардейские части от их конницы, и Шептюк, воспользовавшись этим, повернул белогвардейскую конницу вспять. Они даже сами не поняли, как это получилось: настолько решителен был напор красных.

В этом бою отличились и разведчики. Командовал ими Александр Попов. Он поторапливал бойцов:

— Быстрее, товарищи! Видите, белые просачиваются сквозь брешь! Ее надо закрыть...

Действительно, белогвардейцы, почувствовав слабое место между стыком нашего сводного кавалерийского полка и конницей Шептюка, фланги которых еще не успели соединиться, быстро перестроились и вырвались из готовящейся западни.

Нужно было спешить для того, чтобы закрыть бело-

гвардейцам пути отхода. Это было горячее время. И вот именно в этой горячке Попов не заметил, как вражеская пуля ударила ему в руку. Вторая пуля толкнула в плечо. Молодой командир боли не чувствовал. Только как-то неожиданно слабость разлилась по всему телу, и Александр рухнул в сугроб. Он попытался подняться, но не смог. Не хватило сил.

Когда разведчик пришел в себя, он увидел товарищей, которые преследовали белогвардейцев, дрались врукопашную, теснили белых конников.

От потери крови перед глазами качались снежное поле, березовая роща, стальная полоска железной дороги.

Собрав все имеющиеся силы, он поднялся, прислонился к тоненькой березке. Потом выхватил саблю и, опираясь на нее, сделал один шаг, другой...

Шум боя удалялся. Только слышно было в морозном воздухе, как звонко и отчетливо звенела сталь сражающихся и доносились крики поверженных...

Попов глазам своим не поверил, когда увидел перед собой трех белогвардейцев. Они приближались, посмеиваясь и показывая на него руками в добротных меховых рукавицах.

Александр не сводил глаз с этих меховых рукавиц и даже ощутил их благодатное тепло почти осязаемо. Нет, он не боялся врагов. Он их презирал. А те смотрели на разведчика, который еще стоял на ногах, и усмехались, заранее зная, что над красным можно поиздеваться сколько угодно и как угодно, отвести душу за свое поражение.

Так думали белогвардейцы и просчитались.

Попов, как всегда во время схваток, почувствовал необыкновенный прилив сил: нет, он не сдастся, не дрогнет, не попросит пощады. А если отдаст свою жизнь, то отдаст ее дорого.

— Подними руки, красный комиссар! — с издевкой произнес один белогвардеец.

— Бросай саблю, вояка, — надсмехался другой, — она тебе больше уже не понадобится.

А Попов неожиданно подался вперед, ловко хватил первого по серой папахе, второго ударил по руке, в которой тот держал саблю. И тут же перед собой увидел взвившееся лезвие вражеского клинка.

«Все, конец», — спокойно подумал он, но не испугался. Никогда у него не сдавали нервы. Вот и сейчас он точно рассчитал, как поведет себя противник: не будет ждать сопротивления от измученного красноармейца. И это на какое-то время помогло Александру продержаться. В последний момент он сумел подставить саблю. Уда-

рилась сталь о сталь. Попов даже сделал выпад, но, не рассчитав сил, пошатнулся. Белогвардеец со всего плеча нанес удар. Но лезвие сабли было слишком сильно наточено и, пройдя скользком, срезало кожу на виске и щеке бойца. Александр рухнул на землю.

Белогвардеец подошел к разведчику, носком сапога перевернул его на спину и наклонился, стараясь расстегнуть крючок на полушубке, чтобы вытащить документы, но вдруг покачнулся, схватившись за голову, и замертво упал рядом с разведчиком.

Из-за кустов вышла девушка, небольшого роста, худенькая, похожая на подростка. Полушубок ее был перетянут в талии бечевкой. Винтовку, из которой она стреляла только что, девушка держала перед собой. Но когда убедилась, что белогвардеец убит, быстро наложила на раны командира марлевые повязки, застегнула медицинскую сумку, перебросила ее за плечо, и волоком потащила Попова к железнодорожной насыпи, где располагился походный госпиталь. Она выбивалась из сил, спотыкалась, но не выпускала тяжелой ноши из рук.

Конечно, она доставит красного командира в госпиталь. Но смогут ли ему помочь по-настоящему? Походный госпиталь — это всего-навсего настил веток прямо на снегу да одеяла поверх них.

Попов открыл глаза, когда Маша отдыхала, присло-

нившись к дереву. Время от времени сюда долетали случайные пули, сбивая кору с деревьев, срезая ветки.

Разведчик долго всматривался в медсестру. Да, верно, это она, бесстрашная Маша Барабанщикова, наконец-то узнал он и тихим, слабым голосом позвал:

— Сестренка, сестренка...

— Что? — эхом отозвалась она и склонилась над разведчиком.

— Ты... поберегись... Пуля... она глупая... не пощадит...

— Я пулям не кланяюсь, — тихо, но твердо, с достоинством ответила Маша.

— Я тебе... сам поклонюсь... только... береги себя. Сестренка...

Маша ничего не ответила. Не могла найти слов. Она смотрела на Попова, и ей жаль было этого красивого светловолосого парня, лицо которого было скрыто теперь бинтами и по ним из-под переносицы растекалось большое красное пятно.

Маша наклонилась, осторожно приложила к синяку комок снега. «Ах, война, война, — подумала девушка, — оставила эта война глубокую отметину на лице бесстрашного командира». Девушка где-то слышала, что шрамы украшают мужчин. Но кто мог придумать такую глупость? Разве могут шрамы украшать? Другое дело, что героями становятся не все. Да, не все. А вот Саша — настоящий герой. Он никогда не боялся врагов. О его храбрости ходили легенды. Смекалистый, сильный и смелый, он всегда возвращался из разведки с ценными сведениями, а еще чаще — с «языком».

Сегодня Маша лично убедилась в том, что Саша один вел неравный бой с тремя белогвардейцами. И победил. И что самое интересное, рубил их левой рукой. Правая висела как плеть.

С двумя белогвардейцами он справился быстро и неожиданно даже для самого себя. Третьего он бы не одолел. Силы у бойца были на исходе. Поэтому она пришла Саше на помощь. Чисто случайно. Пошла по следам откатывающегося боя, чтобы подобрать раненых, и вдруг стала свидетельницей того, как белогвардейцы набросились на Попова. Трое против одного. Он держался мужественно, но, когда уже выдохся, упал, сраженный саблей белогвардейца, Маша не выдержала и впервые навела ствол винтовки в голову белогвардейца.

А теперь она, медсестра Маша Барабанщикова, должна доставить героя на перевязочный пункт.

Саша должен жить, обязательно должен жить, и не он ей должен кланяться, а она ему. Да что там она! Ему

должны кланяться все люди, за счастье которых Саша сражался не щадя своей жизни. И при мысли о том, что разведчика Попова могли бы убить, девушке даже стало как-то не по себе.

— Сестренка, — позвал Попов, — помоги мне подняться...

— Лежи, — строго приказала Маша, с трудом переводя дыхание, — вот отдохну немного...

— Нет, — стоял на своем Попов, он мог бы говорить и строже, но перед девушкой пасовал, — помоги... Пойдем вместе...

Разведчик понимал, что Маше трудно тащить его по снегу: сил-то у нее не так уж много. Но что поделаешь? Он пробовал повернуться на бок, а потом, выбрав время, «улизнуть», но так можно было лишь думать, мечтать, предполагать. А на самом деле все происходило иначе.

Маша с усилием подняла разведчика. Конечно, с другими бойцами она бы вела себя иначе: не позволила бы командовать собой. Но перед ней был знаменитый разведчик...

Саша оперся на ее плечо и, с трудом переставляя ноги, пошел рядом. И казалось ему, что Маша не медсестра, а его родная сестренка, с которой он никогда бы в жизни не расставался.

Последний и решительный

В семь утра 12 февраля генерал Молчанов метался по штабу. Его бесило сообщение о том, что группа Томина наносила по белогвардейским частям удар за ударом и встала заслоном на пути возможного отхода белых в направлении Хабаровска. Отряд Шевчука громил белых на юге в районе железной дороги. И другие части красных пошли в атаку.

Генерал терял самообладание. Он отдавал приказания, тут же их отменял, перебрасывал силы с одного фланга на другой и чувствовал, что Волочаевка долго не продержится.

«Черт с ними, с войсками, — подумал он как-то, — мне бы выбраться живу-здорову. Надо узнать, где можно проскользнуть, чтобы не попасть в лапы красных».

Порученцы, как челноки сновавшие между полем боя и штабом Молчанова, еле переводили дух. Они бы с удовольствием не попадались на глаза генералу, но как это сделать, если нужно выполнять его приказы, а потом докладывать о выполнении. Они, если это можно было, старались хоть на несколько минут оттянуть вре-

мя доклада. Потому что, слушая рапорты своих офицеров, Молчанов все больше мрачнел и раздражался, негодовал и топал ногами. Размахивая перед носом каждого офицера наганом, он кричал, что тот, кто сделает в бою хоть шаг назад, будет им лично расстрелян. Значит, не верил ни себе, ни своим офицерам, ни войскам.

А до недавнего времени не было у Молчанова сомнений. Накануне боев за Волочаевку, оглядев опушку леса на юго-западной окраине сопки Июнь-Корань, где все кусты и деревья были искусно заплетены колючими рядами проволоки мастерами-саперами, которыми командовал белогвардейский полковник Аргунов, генерал остался очень доволен. А еще, когда за «железной изгородью» он увидел брустверы из мешков, наполненных землей, поверх которых были навалены сугробы снега и политы водой, одобрительно крикнул и самодовольно потер руки:

— Не взять красным наших ледяных крепостей, а, полковник?

— Не взять, господин генерал, — подтвердил полковник Аргунов, — обувь у них для этого неподходящая...

— Но ведь они полезут на ледяные горки...

— Полезут. И непременно, — с готовностью подхватил мысль Молчанова полковник Аргунов, — но, если хоть на вершок заберутся, мы их всех спустим с ветерком.

— Ха-ха, — засмеялся генерал: ему понравилась шутка Аргунова. И он даже представил, как будут скашиваться с ледяных горок красные. И с удовольствием повторил слова своего офицера: — С ветерком, значит! Ха-ха! Это хорошо, с ветерком...

Когда десятого февраля Молчанову доложили, что Волочаевка окружена и бойцы Народно-революционной армии штурмуют крепость, он не поверил. А может быть, засомневался, настолько ли неуязвимы позиции, чтобы можно было самим диктовать красным условия боя?

Вызвал к себе полковника Аргунова, спросил:

— Смогут ли красные овладеть Волочаевкой?

— Никак нет, — отрапортовал полковник.

— Но они окружили нас?

— Так точно. Окружили. Но что от этого изменилось? Им не удастся даже на шаг продвинуться вперед.

Генерал побарабанил пальцами по дощатому столу, а потом медленно и раздельно произнес:

— Вы, полковник, плохо знаете красных. Они хуже вооружены и плохо одеты, но какая у них воля к победе...

Полковник вскинул глаза на Молчанова: не шутит

ли генерал? Нет, тот не шутил. Он судорожно сцепил руки, положил на них подбородок, а в глазах — страх и смятение.

«Если командующий не может сдержать нервы, — подумал Аргунов, — значит, он проиграл». Полковник решил проверить свои предположения.

— Смею вас заверить, — заявил самоуверенно, — вся их воля к победе разобьется о волочаевскую твердыню.

— Так ли это? — засомневался генерал. Он отрешенно посмотрел на собеседника, подумал о чем-то и снова вернулся к мысли о неуязвимости волочаевских укреплений.

— Я больше чем уверен...

Генерал махнул рукой, останавливая заверения полковника:

— Если красные преодолеют ваши хваленые сооружения, я лично расстреляю вас...

Полковник Аргунов криво усмехнулся: мол, такому никогда не бывать. Молчанова взбесила самоуверенность офицера.

Он показал рукой на дверь:

— Вон отсюда!

Аргунов выскочил из штаба, вытирая потное лицо и со страхом думая: «Этот убьет! Запросто застрелит! Лучше лишний раз не попадаться ему на глаза».

Молчанов постепенно успокоился. Он вышел из штаба, прислушался к отдаленной стрельбе. Осмотрел местность, но пока что ничего тревожного не увидел и не почувствовал.

Вернувшись в штаб, достал из сейфа свой секретный приказ и снова стал его перечитывать: «К вам, старшие начальники, я обращаюсь с призывом вдохнуть в сердца подчиненных страстный дух победы. Надо поговорить со всеми и наэлектризовать каждого солдата... Я убежден, что мы еще можем нанести такое поражение противнику, что ему долго не прийти в себя...»

Приказ ему нравился. Но тут сообщили, что красные рушат инженерные сооружения.

— Где Аргунов? — свирепея, закричал Молчанов.

— Он, он там-м, нна переддо-ввой, — заикаясь, доложил порученец.

— Ну, Аргунов, не быть тебе больше полковником, — сжал губы генерал, — я тебе покажу, как заверять...

Молчанов повернулся к штабному офицеру, прибывшему с донесением, и рявкнул:

— Немедленно — бронепоезда в бой! Укрепить пра-

вый фланг! Сдерживать натиск на левом! ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО! — подчеркнул он каждое слово. И тут же спросил: — Где Сахаров?

Вбежал генерал Сахаров, словно ждал этого момента, щелкнул каблуками и вытянулся в струнку:

— Слушаю вас!

— Бросить конницу против Томина!

Сахаров на минуту поколебался, словно решая, можно ли спорить с Молчановым (знал, что тот в гневе бывает неуправляем), и все же осторожно возразил:

— Этого делать сейчас нельзя. Оголим центр и погубим конницу.

— Кто тут командует: вы или я? Кто тут принимает решения? Я за всех думаю, за все отвечаю! Кон-ни-цу про-тив То-ми-на! — закричал Молчанов и затопал ногами.

— Есть! — козырнул генерал Сахаров и выбежал из штаба. Он пошел готовить конницу к атаке, в душе сердясь на командующего, который от бессонницы и страха потерял голову и принимает необдуманные решения.

Под вечер генерал Сахаров доложил, что наступление группы Томина приостановлено. Но он побоялся признаться в том, что наступление приостановил сам красный командир: густая темнота не давала возможности ориентироваться в обстановке на местности.

— Давайте попьем чайку? — предложил Молчанов Сахарову, но тот отказался, сославшись на то, что нужно многое еще сделать по подготовке к завтрашнему бою.

— Завтра-то мы красную конницу сокрушим, — заверил Сахаров, хотя знал, что все это будет не так. Просто не хотелось слышать от командующего упреков и грубостей.

— Дай-то бог! — сказал на прощание Молчанов. — Доживем до завтра. Как говорится, утро вечера мудреней.

«Если бы это только от бога зависело, — подумал Сахаров, — тогда бы мы, может быть, и победили бы».

А вот главнокомандующий Народно-революционной армией Василий Константинович Блюхер не верил в бога. Он верил в своих бойцов и командиров. Который день, наблюдая за ходом боя, радовался в душе тому, что точно определил план штурма Волочаевки и сейчас этот план «проигрывался» на местности. Он не смотрит на карту, но все равно словно бы видит те красные стрелы, которые наметил острием на самую сопку Июнь-Корань и в обхват станции Волочаевка.

Хорошо помнит Василий Константинович девятое февраля, когда созвал военный совет. Операцию штурма Волочаевки он продумал до мельчайших деталей. Так он

поступал всегда. И теперь хотел проверить свое решение. План штурма излагал спокойно и уверенно, и поэтому каждое слово звучало убедительно. Правда, он волновался: все ли учел, все ли понравится товарищам, с которыми бок о бок прошел всю гражданскую войну, но главным так владел собой, так мог глубоко прятать свое волнение, что никто этого не мог уловить.

Василий Константинович любил штабную работу. Любил разрабатывать сложные операции и в эти минуты наивысшего напряжения никому не разрешал входить в походный штаб, а уж потом, когда решение казалось неуязвимым, выносил его на обсуждение, внимательно прислушиваясь к каждому «за» и «против». Если его убеждали, он охотно вносил поправки, а если убедить не могли — принимал волевое решение, которое подсказывалось опытом.

Излагая план захвата Волочаевки и уничтожения белых, он взглядывал на членов военного совета, своих давних друзей Павла Петровича Постышева, Бориса Николаевича Мельникова, Степана Михайловича Серышева, словно спрашивая, есть ли возражения? Пока никто не возражал. Нужно было все продумать и взвесить. Противник под Волочаевкой сосредоточил лучшие свои части. На них возлагались большие надежды. Они должны были перейти в контратаку, разметать красных и прорваться в сторону Читы. Сейчас готовилась такая операция. Разведка получила сведения о дне наступления белых, и Блюхер тут же решил перехватить инициативу в свои руки.

Времени было в обрез. И он торопился. Потому что любой день промедления мог обернуться непоправимой бедой.

Нужно было учитывать и настрой красных бойцов: 28 декабря 1921 года они разбили белогвардейцев под Ином, а потом еще одержали три победы.

— Будут действовать две основные группы, — Блюхер показал остро отточенным карандашом направление движения, — пятый, шестой и особый Амурский полки под командованием товарища Покуса атакуют Волочаевку с фронта в полосе железной дороги; сводная бригада обходит к югу от железной дороги левый край Волочаевского укрепленного района между Волочаевкой и Верхнеспасской. Первая отдельная Читинская и сводная кавалерийская бригады под командованием Томина отрезают пути отхода противника к Хабаровску.

Василий Константинович обвел взглядом своих товарищей. Они не возражали. Значит, приняли эту часть плана. Сейчас обдумывают, прикидывают свои возможности. Положение трудное. Много обмороженных бойцов, не хва-

тает обмундирования и патронов. Но командиры и бойцы сделают все, что нужно. Еще совсем недавно, в декабре, когда во что бы то ни стало требовалось остановить фронт под Ином, Народно-революционная армия выполнила приказ. Для бойцов собиралось продовольствие и вооружение. Командиров настраивал на победу Серышев, политработников и коммунистов — Постышев. А из Забайкалья к Ину спешил со своими частями Николай Дмитриевич Томин, герой гражданской войны, умелый командир и храбрый человек.

Томин что-то торопливо записывал в своем блокноте.

«Хорош оренбургский казак, — удовлетворенно отметил главком. — Генерала Дутова бил. Под Ином генерала Молчанова щелкнул по носу. Теперь Волочаевка... Есть у него опыт брать неприступные крепости».

Василий Константинович окинул худощавую, поджарую фигуру Томина, от которой исходила упругая сила, перевел взгляд на Якова Захаровича Покуса. Он тоже был героем гражданской войны. Много фронтовых дорог отмерил вместе с Блюхером.

— Партизанский отряд Шевчука из района Даниловки должен ударить на юг по тылу противника в районе железной дороги. Вспомогательная группа — отряд Петрова-Тетерина — находится в резерве, — Василий Константинович на минуту замолчал, словно давая товарищам обдумать все то, о чем он здесь доложил.

— Это хорошо, — сказал командир 6-го стрелкового полка Александр Захаров, — что пока что нет лобовой атаки...

— Тяжесть главного удара ляжет на ваш полк, — тут же ответил Блюхер, — но только не сейчас, а потом, в самый разгар сражения...

— Туго придется Томину, — вслух рассуждал Павел Петрович Постышев, — обходная колонна пойдет по бездорожью. Значит, сегодня же нужно ее снаряжать в поход...

— Мы так и планируем, — пояснил Блюхер, — маршрут рассчитали. Даже учли, что бойцы будут помогать лошадям тащить пушки по глубокому снегу, возы со снарядами и имуществом, продовольствием и медикаментами...

— Если бы нам артиллерии побольше, — вздохнул Серышев, — чтобы в заграждениях пробивать бреши... Жертв было бы меньше...

— Мобилизуем все: артиллерийскую мощь бронепоезда, танка «Рено». Он один-единственный, но все же будет для устрашения противника. Есть у нас и несколько

пушек, да вот снарядов — раз-два и обчелся. Значит, какой у нас еще есть резерв? Штыками и пашками рубить проволоку! — Главком устало провел рукой по щеке, задумчиво потрогал усы. — Сражение будет не из легких! С ходу мы белых не разобьем. Но уверен, что после боев генерал Молчанов перестанет повторять свою присказку: «Завтракаем на Волочаевке, обедаем на Ине, а ужинать будем в Чите».

Постышев усмехался:

— Что-то они долго завтракают на Волочаевке.

Покус поддержал:

— Удастся ли им пообедать?

Томин уверенно заверял:

— А ужинать им вообще не придется.

Василий Константинович поймал себя на мысли, что о военном совете он вспоминает, как об очень давнем событии. А прошло-то всего три дня. Три дня упорных боев. Но бойцы и командиры верили в победу. Их не остановил плотный артиллерийский и пулеметный огонь противника и то, что за 10 и 11 февраля не сумели преодолеть проволочные заграждения. Залегли около них. А с рассветом 12 февраля снова пошли в атаку.

Однако единственный танк красных сразу же был подбит. Бронепоезд «Освободитель» загнал своего соперника за сопку, но по вражеским окопам не мог нанести ощутимого удара: кончились снаряды.

Блюхер видел, как группа Томина соединилась с группой Покуса и широким фронтом охватила сначала станцию Волочаевка, а затем и деревню того же названия, которая находилась в двух километрах от нее.

Вот разворачиваются в боевой порядок Читинская бригада, кавалерийский дивизион, Троицко-Савский кавалерийский полк, 6-й особый стрелковый полк. Командиры шли в первых рядах. Ему и самому хотелось туда, где сегодня разгорелось самое жестокое сражение. Но нельзя было покидать наблюдательного пункта. От него, главкома, многое зависело: от его воли, решений, умения оценивать обстановку. И в решительный момент каждый командир знал, что Блюхер рядом, что для него не существует безвыходных положений. А пока что он наблюдал за полем боя.

Вот уже атакованы позиции белых с северо-восточной стороны сопки и пошло наступление вдоль железной дороги, западной окраины Волочаевки.

«Молодцы, — мысленно похвалил бойцов и командиров Василий Константинович, — молодцы!» А для этого пришлось повоевать с отдельными товарищами. Армия — это прежде всего дисциплина. А где дисциплина,

там победа. Так еще Владимир Ильич Ленин говорил.

Вот и решил Василий Константинович создать из партизанских отрядов регулярную армию. Год тому назад, приехав на Ин, дал командирам задание:

— Построить бойцов для парада!

Казалось бы, приказ понятен. Ничего в нем нет необычного. Но командиры приняли приказ в штыки. И вот почему. Они считали, что революционные бойцы воюют на совесть, сознательно защищают молодую Советскую республику. Зачем же нужна шагистика? Это — бесполезное занятие. В царской армии многие из нынешних красных бойцов помаршировали. И знают, что это такое. Шагистика до изнурения. И в обморок падали на плацу от теплового удара, и наказания получали за то, что плохо получалось. Нет, пусть муштрой занимаются белогвардейцы. Зачем копировать порядки? Так думало большинство командиров. Даже такой мужественный и храбрый человек, как командир Забайкальской кавалерийской дивизии Коротаев, специально пришел к Блюхеру и заявил:

— Василий Константинович, парад ни к чему. Надо его отменить.

— Не понял, — нахмурился Блюхер, — что значит — «отменить»?

— Бойцы не пойдут на парад, — комдив говорил уверенно, как о давно решенном деле...

— Значит, и в бой не пойдут? — блеснули гневом глаза главкома.

— В том-то и дело, — спокойно пояснил Коротаев, — в бой пойдут, на парад — нет...

— Это — твое мнение или бойцов? — в упор спросил Блюхер.

— Бойцов, — без колебания ответил комдив.

— А твое?

— Я не могу не поддерживать своих бойцов... Но пойми, люди плохо одеты, плохо обуты, полуголодные... А это нужно всем показывать? Нищету?..

— Яков Николаевич, — в голосе Блюхера зазвенели металлические нотки, — не паниковать. Не то ты говоришь. Ты — командир Красной Армии! Комдив! Вон — высота какая! А тебе сколько сейчас? Двадцать пять! Видишь, как тебе, сыну крестьянина, доверяет Советская власть?! Вот и надо бойцам показать нашу силу, вселить в каждого уверенность в правоте нашего дела. Да, мы плохо одеты, плохо обуты. А кто в этом виноват? Наш враг. Вот разобьем его и заживем счастливо и зажиточно, как никогда не жили...

Коротаев после горячих и убедительных слов Блюхера ответил менее уверенно:

— Сомневаюсь, чтобы бойцы обрадовались параду... Воевать — другое дело...

— Да ты что заладил одно и то же, — рассердился Блюхер, — если бы я не знал тебя достаточно хорошо, как смелого человека, отстранил бы от командования дивизией. — И вдруг спросил, как это он всегда делал, пристально глядя в глаза, улавливая колебания в душе собеседника. — Ну а если ты прикажешь им построиться, выполнят приказ?

— Разговоров быть не может, — с обидой в голосе ответил Коротаев.

— Тогда строй бойцов! А там — разберемся!

Собрались они неохотно, всем своим видом показывая, что это дело для них неинтересное, не заслуживающее внимания.

Василий Константинович терпеливо ждал. Но уж потом сумел он и выстроить четкие шеренги, и потренировал ходить строем, со знаменем и звонкой песней. Немного замерзли бойцы на параде. Но его торжественность и необычность вносили новизну в службу. И еще поняли бойцы, что наступило время дисциплины и порядка, без которых не одержать дальнейших побед, почувствовали, что они — большая сила, что их достаточно для того, чтобы обеспечить победу над белогвардейцами и интервентами.

На параде, видя, как четкими рядами проходят красные бойцы, один из читинских газетчиков спросил у главкома:

— Я вижу, что в вашей армии крепкая дисциплина. А как вы ее добились? Наверное, не одну сотню бойцов расстреляли?

— Как это? — сразу не понял Блюхер. — Сотню? За что? Чтобы наладить дисциплину?

— А как же? — в свою очередь удивился газетчик. — Без этого не обойтись! Такова жизнь!

— Такая жизнь — не для нас. — Василий Константинович, с чувством гордости посматривая на своих бойцов, проходящих по плацу стройными рядами, сказал: — Мы ни одного бойца не расстреляли. И ни одного командира. Иначе — они бы перестали нам верить... А если перестанут верить, то с такой армией уже не победишь.

— А вот белогвардейцы расстреливают... Своими глазами видел. То за паникерство, то за отступление...

— У нашей армии и армии белых — разные цели и задачи, — пояснил Блюхер, — наша армия создана для нас самих же...

Недавно был этот разговор. Еще и года не прошло. А вот сейчас всплыл в памяти, и непонятно почему.

А впрочем, понятно. Оглядывая панораму боя, Василий Константинович видел, что наступление шло организовано. Правда, кое-что изменилось по сравнению с первоначальным замыслом. Все резервы были брошены в бой. Главный удар по противнику наносил 6-й стрелковый полк под командованием Александра Захарова.

И вдруг он увидел, что наступление вдоль железной дороги приостановлено. Бронепоезд не может достать пулеметным огнем позиции противника — снарядом перебило путь.

Наши бойцы лежали вдоль насыпи, не смея поднять головы. Вокруг них хлестал свинцовый дождь.

Блюхер распахнул полушубок, вытер вспотевшее лицо. Казалось, еще минуту, и он сам, как это бывало не однажды, бросится туда, где всего труднее. Но он усилием воли сдержал этот порыв: нужно руководить боем. Он здесь пока что более нужен.

— Срочно к комиссару бронепоезда, — передавая записку, попросил главком, — только осторожнее...

— Ясно, — порученец в белом полушубке почти сливался со снегом, и это ему помогало незамеченным продвигаться по равнине. Вскоре он достиг бронепоезда, постучал в бронированную дверь. Но, видимо, в самый последний момент его ранило. Он медленно осел на землю. Но в это время открылась дверь, на землю спрыгнули два бойца, подхватили порученца под руки, подняли его в бронепоезд.

Прошло еще несколько минут, и бронированная машина медленно, а потом набирая ход, двинулась к блокпосту, где находились запасные рельсы и ящик резервных снарядов.

Не успели белогвардейцы понять, почему это отступил бронепоезд, как он уже снова появился на позиции и, выпуская через небольшие промежутки времени снаряды, обеспечил ударную работу саперов, которые быстро восстановили путь.

Один из снарядов нашего бронепоезда пробил брешь в обороне противника, и туда хлынули бойцы с криками «Даешь Волочаевку!». Второй снаряд (и последний) грохнул на сопке, взметнулись птичьей стаей комья промерзшей земли.

По всему фронту поднялись бойцы в последнюю и решительную атаку.

Впереди качнулось и выпрямилось знамя. Оно звало бойцов на штурм. Оно поднималось все выше и выше.

Но вот упал знаменосец. И уже не поднялся. Древко было поднято другими сильными руками, и громовое «Ура!» разнеслось над сопкой. Оно то усиливалось,

то утихало. И вот вообще замолкло. Это бойцы выбивали из последних окопов последних, отчаянно сопротивлявшихся белогвардейцев. Над сопкой реяло знамя Победы.

Василий Константинович Блюхер опустил бинокль, вдохнул полной грудью ядреного морозного воздуха, в который еще вплетался запах пороховой гари, и широко улыбнулся: последний и решительный бой за Волочаевку закончился.

Левша

Гордился Иван Русаков тем, что был у него конь настоящий — кавалерийский. Все его команды понимал, всегда чувствовал, какое у хозяина настроение.

Любил Иван своего Серко. Последний сухарь делил с ним, как с родным братом. И конь был предан хозяину. Захочется Ивану пройтись пешком — Серко следует за ним по пятам. А как-то ранило Русакова в ногу. Не мог он подняться. Конь тревожно ходил рядом, а потом подошел, лег на землю. Взобрался к нему на спину Иван, обнял за шею и потерял сознание. А Серко сам нашел дорогу на партизанский стан, довез раненого бойца.

Никогда раньше не было коней в хозяйстве Русаковых. Подойдет время пахать землю — идут на поклон к кулаку Федотову. А тот ломается, набивает цену. И по-

чти задарма работают Русаковы все лето: уберут урожай, половину отдадут Федотову.

Весь в отца был Иван: сильный, крепкий, работающий. В поле с утра до вечера гнул спину. Да еще кулаку Федотову помогал по хозяйству — то сено привезет, то дров наколет. А кулак вместо «спасибо» с издевкой говорит:

— Заплатил бы я тебе побольше. Но ведь ты левша... А какая сила в левой руке? Сам посуди: другие делают больше.

Конечно, не прав был Федотов. Но, как говорится, тот прав, у кого больше прав.

Сдерживал обиду Иван, боялся лишнее слово сказать поперек: как бы хозяин не разгневался. А то, глядишь, коня не даст, тогда хоть сам по весне впрягайся в соху.

Как-то в страдную пору заболела у Ивана мать. Пошел он на поклон к кулаку — свезти ее надо в город к лекарю. Но Федотов даже слушать не стал. Разве можно в такую даль гонять лошадь, когда в поле она нужнее? В страду каждая минута дорога.

Ослушался Иван: взял коня без спросу, да загнал его в дороге — боялся, как бы Федотов не послал погоню. С тех пор поубавилось в коне силы и резвости. Но кулак весь свой гнев согнал на спине парня: так исполосовал плеткой, что кожа до сих пор бугрится под рубашкой Ивана.

Затаил обиду Иван на богача и рассчитался бы с ним, но тот сбежал из села, когда на дальневосточную землю пришла Советская власть.

Радовались мужики, что налаживается новая жизнь. Да недолгой была их радость. То там, то тут стали появляться кулацкие банды. Убивали они коммунистов и комсомольцев, председателей сельсоветов, устраивали поджоги. А потом на дальневосточную землю пришли части белогвардейцев и интервентов.

Ушел воевать за Советскую власть Русаков-отец и погиб в неравном бою. Проводила мать и любимого своего сына Ивана. Два года качался он в седле. В коннице Петрова-Тетерина стал лучшим наездником. Сабля его не знала устали. В бою Иван в самую решающую минуту перехватывал саблю в левую руку, и противник не мог достать его, а молодой конник со страшной силой обрушивал удар на белогвардейца. После каждой схватки, когда его хвалили, молодой кавалерист только хмурился и говорил:

— Не то. Все это не то. Не встретил я еще своего главного врага.

— Все Федотова ищешь? Да, может быть, его уже того... нет. Все белогвардейцы — враги, — пробовали то-варищи утешить Ивана, а он и слушать не хотел: ждал встречи. Говорят, гора с горой не сходятся, а человек — сойдется...

В феврале 1922 года под Волочаевкой среди конников Петрова-Тетерина оказался и он. Сам Василий Константинович Блюхер поставил им задачу: когда и как они выдвинутся, чтобы поддержать сабельным ударом наступление Народно-революционной армии.

И вот тот час настал. Когда наши части сошлись в рукопашной с белогвардейцами, сводный отряд Петрова-Тетерина стремительным броском выскочил из засады и сумел не только отрезать большой группе белогвардейцев путь к отступлению, но и стал решительно теснить ее порядки.

Иван, прищипывая коня, ворвался в самую гущу окруженных и, размахивая саблей, начал пробиваться к командиру. На мгновение он увидел лицо одного из белогвардейцев. Оно было искажено гримасой испуга и злобы. Что-то знакомое почудилось Ивану в этом человеке в мерлушковой папаше. И вдруг его осенило: да это же Федотов! Наконец-то пересеклись их дорожки! И он начал пробиваться к тому, с кем так долго ждал встречи.

Федотов узнал своего бывшего работника и бросился в сторону в надежде укрыться от жестких глаз Ивана. Страх придавал кулаку силы. Сноровисто, насколько позволял глубокий снег, бежал он туда, где было большее скопление белых. Ведь можно затеряться между ними. Главное, только бы успеть добежать. Но Серко догонял убежавшего. С каждой секундой сокращалось расстояние.

Иван уже было занес саблю для удара, но Федотов словно почувствовал холодящий душу отблеск стали, упал на колени и поднял руки.

— Сынок, — взмолился он, — пощади, не губи. Я ли тебя не кормил своим хлебом? Я ли вашу семью не уберег от голода?

Иван натянул поводья, конь встал на дыбы, захрипел, косясь на стоящего на коленях человека.

— Вкусен был твой хлеб, очень вкусен, — процедил сквозь зубы Иван, но только сейчас понял, что нет у него злобы на этого человека. Нет злобы, есть только ненависть к таким, кто раньше издевался над батраками, а теперь поднял против них оружие. Не хотели федотовы, чтобы люди жили хорошо и счастливо.

Опустил кавалерист саблю:

— Не буду я тебя убивать. Перед всем народом от-ветишь за свои преступления...

— Век не забуду... — благодарил Федотов, прикладывая руки к груди. А сам внимательно следил за Иваном, как тот реагирует на слова, которыми кулак чернил себя как мог. — Дурак я был, что из-за лошади тебя побил. Ох, дурак дураком... Жадность одолела... Прости меня... Сапоги целовать буду, только отпусти... Ты же сейчас большой красный командир...

— Тьфу ты, — досадливо сплюнул Иван, — чо ты канючишь? Поднимайся, мы еще с тобой прилюдно поговорим...

Федотов, опасливо посматривая на Русакова, медленно поднялся и, когда тот на минуту отвлекся, разглядывая крепление стремени, перебитое в бою (нужно его было закрепить, пока совсем не оторвалось), выстрелил в упор. Стрелял он всегда прекрасно. И поэтому даже растерялся, когда пуля не причинила Русакову никакого вреда.

— Ах ты гад! — Иван перехватил в левую руку саблю и с большой силой опустил ее на мерлушковую папаху.

Когда закончился штурм

Пулеметчик Никита Вдовиченко всю картину штурма видел так отчетливо, словно прошло не три часа, а всего каких-то пять минут. Но минут емких, насыщенных событиями.

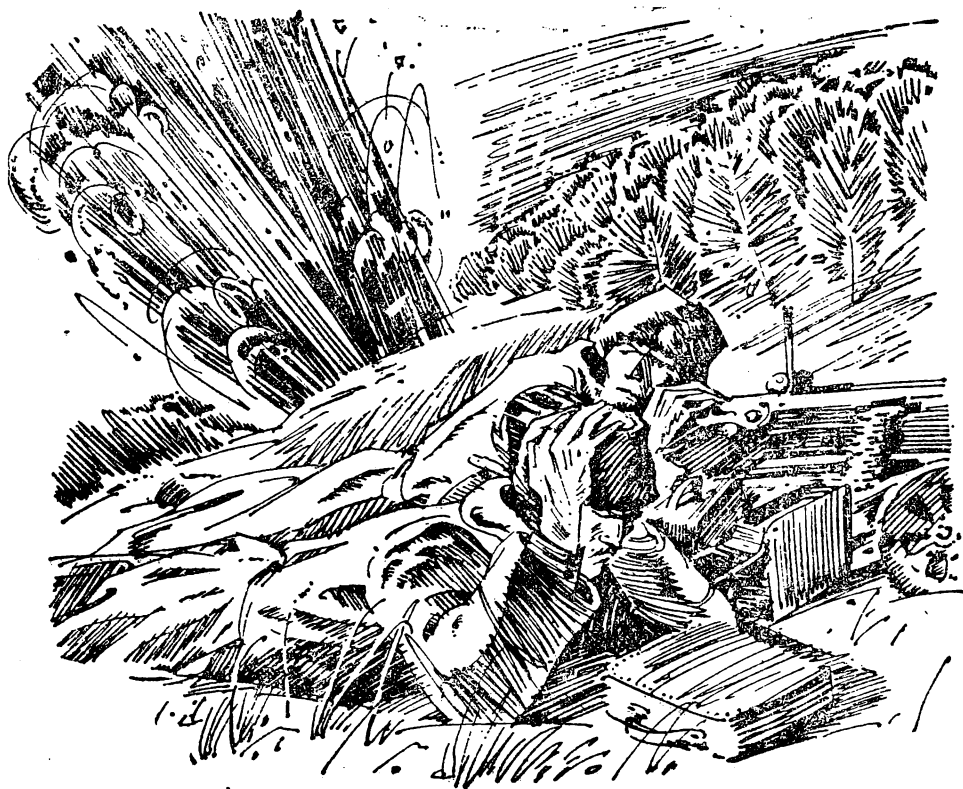
Седьмая рота была охвачена неудержимым стремлением достичь вершины сопки, и никто не выполнял команду «Ложись». Нужно было бы поостеречься под шквальным огнем: наступать короткими перебежками, затаиваться на время за деревьями и пнями. Но неудача первых дней, лютый мороз, жажда покончить с белогвардейским гнездом — все это вылилось в такой наступательный порыв, что каждый шел только вперед.

Падали раненные, но, если у них были силы, поднимались и шли в бой. И такой решимостью горели их глаза, что можно было не сомневаться: победа будет за ними.

Вот уже ранен командир отделения Иван Станоткин. Вдовиченко помог ему подняться.

— Я сам, а ты действуй! — сказал командир, и пулеметчик вместе с напарником Павлом Шубиным дальше потащили своего издавшего виды «максимку». Сделав десяток шагов, пулеметчики выпускали несколько очередей и вновь продолжали штурмовать сопку.

Когда добрались до вершины, белых уже там не было. Они скатывались по склону к станции.

— Эх, красотища! — вобрал полную грудь воздуха Никита Вдовиченко, оглядывая поле боя. — Теперь сопочка наша...

— Ложись! — дернул товарища за полу шинели Павел Шубин. — Победа победой, но пули еще летают...

И точно: если бы Никита послушался товарища, сразило бы его. Несколько пуль вжикнуло над пулеметчиками.

Подошел комбат Федор Усов. Осмотрел позицию, посоветовал спуститься пониже. Там удобная выемка. Можно хорошо замаскироваться.

— Что нам прятаться? — возразил Вдовиченко. — Мы же не обороняемся. Хватит по ямкам отсиживаться...

— А я вам советую, — твердо повторил комбат и тут же помягче добавил: — Береженного бог бережет.

— Бог-то он, конечно, бог, да будь сам не плох, — ввернул пословицу Павел Шубин.

— Верно, — принял шутку комбат, — если говорить о боге, то бог штурма — это народоармеец.

Пулеметчики перетасили «максима» в ложбинку, удобно его пристроили, и Вдовиченко нажал на гашетку...

Комбат улыбнулся, показал большой палец: мол, молодцы, послушали командира, и теперь вы хозяева положения. И начал спускаться по склону.

Над сопкой висело темное марево от пороховой гари. Гул снарядов перемешивался с ружейно-пулеметной скороговоркой.

И вдруг мощный взрыв потряс вершину сопки. Это разорвался снаряд, пущенный с бронепоезда. Пулемет подпрыгнул, больно ударив Вдовиченко в подбородок. Сверху посыпалась мерзлая земля.

Шубин, отряхиваясь и отплевываясь, тряхнул товарища:

— Жив, Никита?

— Жив, — потирая подбородок, ответил пулеметчик, — только вот язык прикусил.

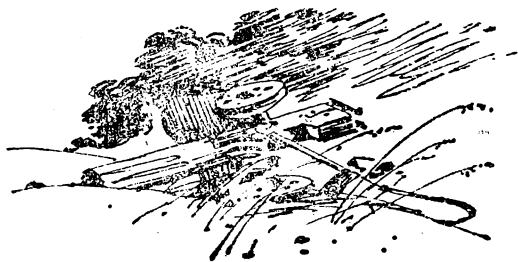
— Пройдет, — улыбнулся Павел и стряхнул грязь со ствола пулемета, потом тревожно оглянулся: — А как наш комбат?

Вдовиченко тоже оглянулся. На том месте, где еще совсем недавно стоял пулемет, виднелась глубокая воронка, а недалеко от нее лежал сраженный шрапнелью комбат Федор Усов.

Пулеметчики подошли к командиру, обнажили головы. Грудь и голова командира были пробиты осколками. Уберег он своих бойцов от верной гибели, а сам погиб...

И вдруг наступила необыкновенная тишина. Бой закончился. Последний вражеский снаряд убил отважного комбата.

Над сопкой оседала пороховая дымка. Небо очищалось. Проступала все ярче его мирная голубизна. И впервые за все эти штурмовые дни показалось солнце. Его робкие лучи высветили искореженную землю и заиграли переливчатыми бликами на красных, отполированных ветром и морозом звездочках народоармейцев.

Захаров В. Ф.
З-38 Волочаевские дни. Рассказы. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. —
80 с., ил.
ISBN 5-7663-0042-5

Рассказы о штурме легендарной Волочаевки 10—12 февраля 1922 г., о
массовом героизме участников боев, о рядовых и командирах, организаторах
победы — Блюхере, Покусе, Серышеве.

4803010201-21
З М160(03)-89 45-89 1

ББК 84.3

СОДЕРЖАНИЕ

Чрезвычайно важная задача	— 3
Разведка	— 9
Витька и Васька	— 14
Про пельмени и салфетки	— 22
Секретный пакет	— 25
Парламентер	— 33
Два Ивана	— 38
Поединок	— 41
Боец Таня	— 45
Унты командира	— 48
Именинник	— 52
Сестренка	— 57
Последний и решительный	— 62
Левша	— 73
Когда закончился штурм	— 77

Виталий Федорович Захаров

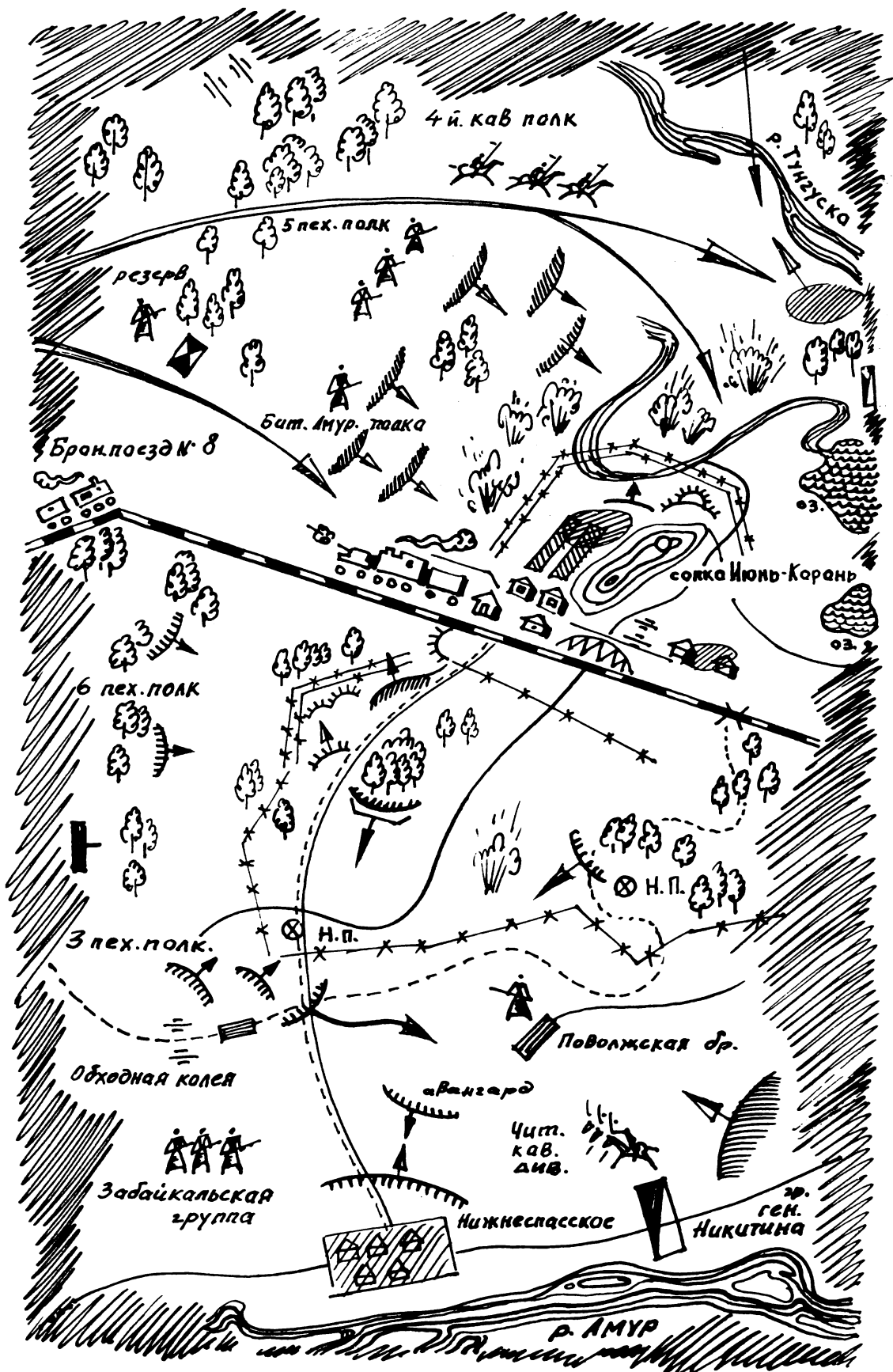
ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

Редактор *Р. А. Шарова*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технический редактор *Т. А. Костюченко*
Корректор *И. Л. Руднянская*

ИБ 1869

Сдано в набор 11.01.89. Подписано в печать 17.03.89. ВЛ 05431. Формат 70х108¹/₁₆. Бумага
тип. № 2, Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 5,22.
Тираж 100 000 экз. (2-й завод: 50 001—100 000 экз.). Заказ 163. Цена 20 коп. Хабаровское книжное
издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типография № 1 управления издательств,
полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

20 коп.

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО